

Искорка

Д
Р
У
Ж
Б
А

ЛЕНИЗДАТ ★ 1958

Праздники в Китайской Народной Республике очень красочны. Они проходят весело и интересно.

На верхнем снимке — празднично украшенный трамвай в майские дни на улице Шанхая.

Во время празднеств в Китае исполняется традиционный танец с драконами. На нижнем снимке вы видите участников карнавала на площади Тяньаньмынь в Пекине. Они несут изображения драконов.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» —
орган Ленинградского Обкома
и Горкома ВЛКСМ
Областного и Городского Советов
пионерской организации
имени В. И. Ленина

Я желаю вам счастья

Дорогие пионеры и школьники Ленинграда!

Я очень благодарен редакции журнала «Искорка» за возможность обратиться к вам с этим письмом. Мне посчастливилось посетить ваш прекрасный город-герой в 1947 году. В день моего приезда я был приглашён во Дворец пионеров. Здесь я увидел счастливых детей, которые занимались своим любимым делом.

В то время я не мог не думать о том, что в моей стране есть миллионы детей, лишённых детства, но достойных любви и радости.

Сейчас китайские дети уже живут такой же счастливой жизнью, как вы.

Дорогие мои маленькие друзья! Я желаю вам счастья, желаю вам хорошо учиться, желаю здоровья, желаю, чтобы вы скорее выросли и подарили свои силы великому делу строительства коммунизма, как это делают ваши братья и отцы!

Председатель Союза писателей Китая, Министр культуры Китайской Народной Республики МАО ДУНЬ

Пекин. 26/II-1958 г.

Мао Дунь

茅盾. 1958. 2. 26.
46 7

ДРУЖБА ТРЁХ ПОКОЛЕНИЙ

Музыка Н. КОГАНА

Слова И. РИНКА

В темпе марша

mf Сдержанно

1. ЧЕРЕЗ ГО - РЕ И БЕ - ДЫ, ПУТЬ ПРОИДЯ ДО ПО -

БЕ - ДЫ, НАШИ ВСТРЕ - ТИ - ЛИСЬ ДЕ - ДЫ, ПО - БРА - ТА.

ЛИСЬ ОТ - ЦЫ. ШЛИ В БО - И ОГ - НЕ - ВЫ - Е, ВСЕХ ВРА -

ГОВ СО - КРУ - ША - Я, КОМ.МУ. НИС - ТЫ Рос - СИ - И,

КОММУНИС ТЫ Ки - ТА - Я. // 1. 2. 1. 3. 2. 3. Ки - ТА - Я.

(Текст песни см. на 50-й странице)

У Юнь-до в госпитале.

Рис. худ. Ло Гун-лю

***

«Наш Николай Островский», — так зовут в Китае товарища У Юнь-до.

У Юнь-до — китайский писатель. Он прошёл большой и трудный жизненный путь. Работая в годы освободительной войны на заводе, он получил тяжёлое ранение во время испытания нового вида оружия. Почти слепой, прикованный к постели, он не переставал работать и учиться.

О детстве и дальнейшей судьбе У Юнь-до вы узнаете, прочитав автобиографический рассказ писателя «Я вырос на шахте».

У Юнь-до

Рисунки Ю. Лаврухина

Я вырос на шахте

МОЙ отец был шахтёром на шахте Аньюань, самой крупной в Южном Китае. Борьба аньюаньских шахтёров — это славная страница истории китайской революции. Более тридцати лет назад компартия Китая начала здесь руководить движением рабочих.

Партия создала в этом районе школы для рабочих и их детей, воспитывала массы, расширяла свои организации. А открытие рабочего клуба было большим шагом в деле сплочения рабочих.

Клуб помещался в большом трёхэтажном доме, который рабочие по-

строили на свои деньги. Фасад здания выходил на площадь.

В 1925 году, когда мне исполнилось 10 лет, я учился в четвёртом классе и был агитатором в пионерской дружине.

Ежедневно после уроков мы устраивали на площади сбор, часто ходили на постановки или беседы. В клубе с утра до вечера толпился народ. Это был политический и культурный центр горняков, штаб, организующий их на борьбу.

В сентябре того года капиталисты — владельцы шахты — с помощью полиции закрыли клуб и аре-

стовали рабочего руководителя Хуан Цзин-юаня. Шахтёры возмутились, но против них выступили солдаты. Двое горняков были расстреляны.

Когда Хуан Цзин-юаню скручивали руки, он спросил:

— Какое преступление я совершил?

— Кого ты знаешь из коммунистов? — вместо ответа заорал на него офицер.

Хуан Цзин-юань не выдал никого из своих товарищей. Враги повесили его на клубной площади. Перед смертью герой успел крикнуть:

— Вам не убить всего китайского народа! Да здравствует Китайская коммунистическая партия!

В тот же день вечером горняки, рискуя жизнью, похитили тело героя и похоронили в семидесяти верстах от посёлка.

В апреле 1927 года власть в стране захватила реакционная клика Чан Кай-ши. Гоминдановские войска вошли в Аньюань и начали жестокую расправу с народом. Шахта превратилась в мясорубку. Не проходило и трёх дней, чтобы на площади перед бывшим клубом не было массовых расстрелов. От крови революционеров земля и трава на площади стали багровыми. Никогда не сотрётся в памяти расстрел руководителей рабочего движения нашего уезда товарищей Ян Ши-цзэ и Чжу Шао-ляня. Перед казнью товарищ Чжу Шао-лянь

написал своим родным письмо. Там были такие слова: «Не терзайте свои сердца. Революция обязательно победит!»

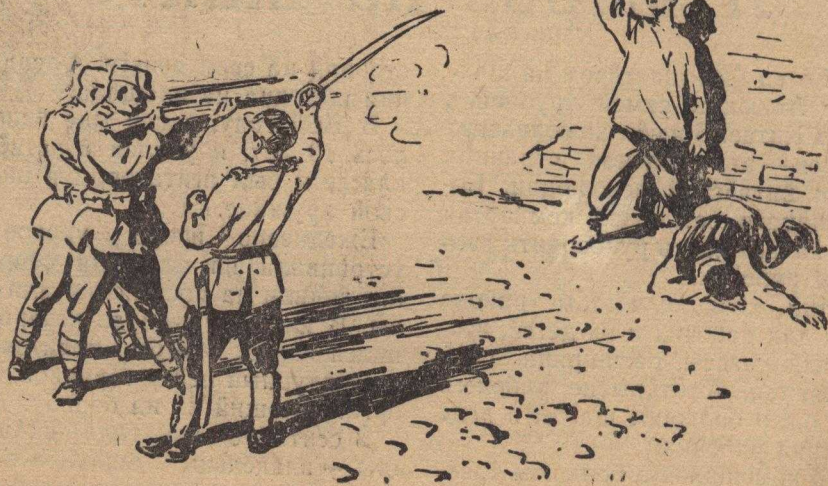
Семь суток пытали враги Ян Ши-цзэ. Они прокалывали его тело раскалёнными гвоздями, но он, пересиливая боль, кричал:

— Посмотришь, Чан Кай-ши! Найдутся и для тебя каратели!

Хотя революционная гроза и прошла, но в сердце моём она оставила неизгладимые воспоминания. Постепенно я понял, что в мире существуют люди особого склада. Они всегда идут впереди, подвергают себя невзгодам, отдают свою жизнь и кровь до последней капли за дело бедняков. Это самые решительные люди в мире, это — коммунисты. «Тухлые яйца» * потому и стремятся уничтожить их, что боятся их.

С приходом в наш посёлок гоминдановцев школа закрылась. Я перестал учиться. В семье дела тоже стали ухудшаться. Отец обычно экономно тратил деньги, и ему удавалось по крохам делать сбережения, которые хранились в пиньсянском банке. Друзья советовали отцу купить клочок земли, построить небольшой домик, чтобы иметь

* «Тухлые яйца» — так презрительно называют в Китае гоминдановцев.

приют в старости. Но отец не хотел ни земли, ни дома. Единственным его желанием было дать образование детям и вывести их в люди.

Мечты отца очень скоро разбились.

Господство реакционеров привело к тому, что на шахте почти прекратилась работа. Банк прогорел, и все деньги отца, накопленные им ценой крови и здоровья, пропали.

Управление шахтой выпустило специальные «шахтные деньги», которыми платили за работу, но их не принимали торговцы. «Шахтные деньги» годились только, как туалетная бумага.

В семье нас было семеро братьев и сестёр, умевших лишь раскрывать рты для пищи, а положение дома всё ухудшалось и ухудшалось, поэтому не только какую-либо еду, но даже и рисовый отвар мы перестали видеть. Продали домашнюю утварь, затем одежду; когда ничего больше не осталось, принялись за рухлядь. Целыми днями в нашей комнате сидели лавочники и требовали денег за продукты, которые мы брали в долг. Платить было нечем. Отец, глядя на голодную семью, тяжело вздыхал. Если удавалось добыть немного съестного, все жадными глазами смотрели на мать. Мама, едва сдерживая слёзы, говорила:

— Дети, хорошие мои, дайте поесть отцу... Ему нужны силы, чтобы заработать немного денег...

Но отец грустно качал головой и говорил матери:

— Сначала дай поесть детям...

Устало обхватив голову руками, папа садился около стола, из его глаз катились крупные слёзы...

Матери приходилось успокаивать его, нас и ещё договариваться с неуступчивыми кредиторами.

Старшему брату удалось устроиться работать в уездную больницу. Денег там не платили, только скудно кормили. Второй брат стал на улице просить милостыню.

В тот год мне исполнилось 12 лет. Я видел тяжёлое положение нашей семьи, и мне казалось, что сердце моё словно варится в кипящем масле. Я не мог смотреть, как голодают мои близкие, и стремился достать хоть какую работу, чтобы мы не умерли от голода.

Высокие лесистые горы окружали нашу шахту, а на северо-восток от них выходили богатые залежи угля. Рабочие здесь добывали уголь в маленьких, неглубоких ямах-шахтах с проходами, в которые могла пролезть разве только собака. Уголь к вагонеткам выносили корзинами вручную. Я видел, как дети бедняков, чуть старше меня, таскали на плечах тяжело нагруженные корзины и получали немного денег. Я решил тоже взяться за это дело. Разыскав своего приятеля Чжао, я попросил его помочь мне.

Он покачал головой, усмехнулся и сказал:

— Да неужто ты собираешься таскать уголь? Ты такой худенький, корзина раздавит тебя!

— Нет, нет, — горячо возразил я, — я очень сильный! Не веришь? Давай поборемся!

— Зачем бороться? Хочешь идти — иди! Только вставай завтра утром пораньше.

— Хотя с вечера не буду ложиться спать! Завтра вместе пойдём, ладно?

Чтобы поспеть вовремя, нужно было выйти из дому среди ночи. А дома у нас не было не только фонаря, но даже и лучины. Я побежал в здание шахтного электроцеха и взял там немного пропитанной маслом пакли, намотал её на палку — факел был готов! Теперь можно спокойно идти ночью на работу.

Когда мама узнала о моём намерении, она загрустила, но выхода не было — все голодали. Тёмной ночью она разбудила меня и молча проводила до дверей. Я встретил Чжао, и мы медленно пошли в горы.

Перевалив гору и пройдя лес, мы вышли к разработкам. Было ещё рано, и контора пустовала. На дверях висел замок. Под навесом стояли два стола, за которыми обычно вели расчёты. До рассвета оставалось ещё много времени, и я пристроился спать на столе. Спал крепко, но вдруг почувствовал, что лечу в бездонную пропасть, и проснулся от боли во всём теле — это пришли конторщики и сбросили меня с моей «постели». Началась работа.

Я с трудом поднялся, потирая ушибленные места, и подумал:

«Нелегко устраиваться на работу — бедняков всюду обижают».

Попробовал поднять корзину, не смог и просыпал часть угля.

Конторщик холодно заметил:

— Не можешь, проваливай! Нечего возиться!

Надрываясь, я сделал рывок, взвалил тяжёлую корзину и, качаясь, пошёл вперёд. Вначале я как-то поспеивал за другими рабо-

чими, но, пройдя версты две, постепенно стал отставать. Плечи нестерпимо ныли от тяжёлого коромысла, и вдруг настал момент, когда я не в силах был сдвинуться с места, а впереди начинался крутой подъём. Не помню, как я внёс мою ношу на гору... Ноги дрожали и, наконец, не выдержали. Я кубарем полетел вниз, куски угля летели вслед за мной.

Солнце закатилось. Носильщики давно уже вернулись домой, только я один горевал в тёмном лесу. До станции, куда нужно нести уголь, оставалось ещё вёрст пять-шесть, но и там приёмный пункт был уже закрыт. Как быть?

Плечи покрылись водяными пузырями, раны на ногах кровоточили. С пустыми корзинами я вернулся домой.

Открыв дверь, я сразу же повалился на постель. Не то, что раздеться, даже шевельнуться не хватало сил. Голод и усталость окончательно свалили меня. Мама, глотая слёзы, принесла воды, чтобы помыть мне ноги, но я боялся, что она увидит раны на моих ногах, и не поднялся с постели.

— Юнь-до, что с тобой? — тихо спросила меня мать.

— Не беспокойся, мама, я завтра смогу выйти на работу, — пробормотал я, засыпая.

На следующий день рано утром я выпил пиалу рисового отвара и отправился на шахту. Как только коромысло надавило на мои стёртые плечи, от нестерпимой боли лоб покрылся холодным потом, но я решил во что бы то ни стало донести груз. Крепко сжав зубы, я зашагал на пункт сдачи угля и не останавливался до самой станции, где велась погрузка.

Так начался мой путь по тяжёлой дороге жизни.

Наступила зима. Аньюань покрылся глубоким снегом. Вихри ветра взметали снег и угольную пыль, которая закрывала мутной пеленой небо и чёрным пластом оседала на землю.

Жестокие холода выгоняли обогранных горняков в лес за топливом. Иногда целые семьи замерзали по дороге и находили свой последний приют в лесу...

Я продолжал носить корзины с углём. С утра и до вечера, не чувствуя ног, плёлся по чёрной узкой тропинке; впереди и сзади непрерывной лентой шли другие носильщики. Тело моё закрывала рваная ватная куртка, подпоясанная соломенным жгутом, на ногах были надеты соломенные лапти. Солома не защищала ноги от острых кусочков льда, и раны всё время кровоточили. Горные тропки были скользкими. Я едва удерживался от падения, но уголь часто просыпался, и к конечному пункту корзинки наполовину оказывались пустыми. Так, полуживой, я мог за день перенести не больше одного даня* угля. Мучительная работа истощала последние силы, и я решил поискать себе другое занятие.

Вскоре я узнал, что за один дань полусгоревшего угля из шахтной котельной можно выручить десяток грошей, а некоторые «удачники» за ночь выбирали из шлака по нескольку даней. Я прикинул возможности и, разыскав старую корзину, пошёл выбирать уголь из шлака.

Как только стемнело, я стал ждать момента, чтобы проскочить во

двор котельной. Стоило охраннику чуть замешкаться у себя в будке, как я со своей корзиной был уже во дворе. Топки в котельной стояли рядами, как солдаты на параде. Чёрные от пыли и сажи кочегары открывали пышущие жаром дверцы и широкими лопатами кидали в красные пасти чёрный блестящий уголь. Шлак выбрасывали только поздно вечером, ждать нужно было ещё долго, поэтому я присел около тёплой стенки и незаметно задремал. Разбудил меня удар бамбуковой дубинки по спине. Не успел я подняться, как получил пинок в бок, за ним последовал удар чем-то тяжёлым в лицо. Я побежал. Охранник бросился за мной, крича: «Вон отсюда, мерзкая тварь!» Чудом мне удалось спастись — сторож не успел проскочить за мной в маленькую дырку в заборе. Но корзина — единственное моё богатство — пропала.

Убегая от сторожа, я провалился в канаву, которая выводила тёплую воду из котельной. Мгновенно лапти превратились в ледяные колодки, плотно сковавшие ноги. Едва переступая в этих колодках, я добрался до квартиры, когда была уже глубокая ночь. Дома все спали, только мама при тусклом свете копилки чинила рваную куртку. Увидев меня с пустыми руками, покрытого льдом, она было испугалась, но потом ласково улыбнулась, словно говоря: «Раз сын живой вернулся домой, то это самое хорошее, что может быть!»

А я молча взял за дверь старый соломенный мешок и направился к выходу. Мама бросилась за мной, схватила меня и стала просить дрожащим голосом:

— Не надо больше уходить!

— Не бойся, мама! Присмотри лучше за сестрёнками! — ответил я в дверях. Мама медленно опустила руки, а я побежал опять к котельной.

Кочегары как раз начали выгребать шлак, складывая его в большие пылающие кучи. Другие рабочие таскали воду и выливали её на раскалённые горы ещё не полно-

* Дань — около 60 кг.

стью сгоревшего угля. Дым и пар наполняли двор котельной, обжигали глаза и горло. У горячих куч сутились подростки, выбирая годный уголь. Я наполнил свой мешок и осторожно выбрался на улицу. Утром вышел торговать углем на базар. Так началась моя новая «работа». Ночью я тайком собирал уголь, а днём продавал его...

Шли дни. Кровавые волдыри на руках от ожогов превратились в твёрдые мозоли, подошвы ног загрубели так, что перестали бояться даже огня.

Горе сплотило нас, детей бедняков, в дружный коллектив. Мы по очереди «сторожили» охранника. Как только наш дозорный замечал сторожа, то кричал: «Пришёл!», все разбегались в разные стороны, а когда сторож уходил, дозорный подавал условный знак, и мы снова принимались за сбор угля.

Бедняк всегда понимает бедняка. Котельные рабочие, чтобы дать нам возможность побольше заработать, вычищали печи, когда уголь ещё не успевал полностью сгореть. Ко мне присоединился мой брат, и наша семья смогла впроголодь существовать.

Холодная зима уходила. С каждым днём быстрее таял снег под лучами солнца. На горах зазеленели деревья, у подножий гор распустились белые цветы, от которых струился опьяняющий аромат. Пришла долгожданная весна.

Однако приход весны не принёс счастья на шахту. Гоминдановцы грабили рабочих, как могли. Они снижали и без того мизерные заработки, продолжали выпускать свои «шахтные деньги», которые теперь в народе назывались «чёртовыми талонами». Насколько беднели рабочие, настолько богатели хозяева шахты. На бесцестные деньги «толстопузые» ещё больше толстели и жирели. Рабочие, по суткам не выходя из шахты, не могли заработать даже на скудную пищу. Тяжёлое положение усугублялось тем, что шахтёры вынуждены были дополнительно бесплатно работать на отводе паводковых вод, которые

грозили затопить шахту — единственную надежду на жизнь.

Горняки никогда не забудут этого!

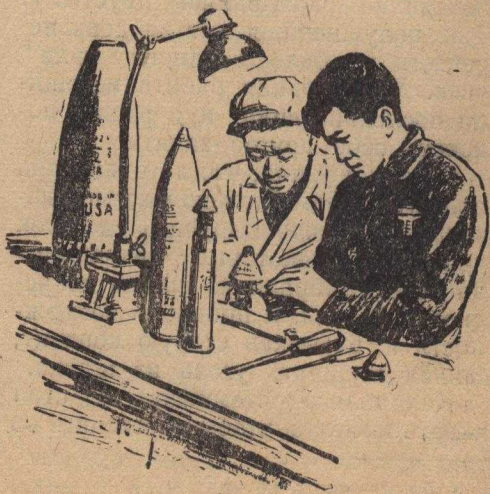
Однажды утром, когда взошло солнце, все жители увидели на каменной стене у входа в шахту большие белые иероглифы: «Свергнем Гоминдан!»; а когда на поверхность выехали вагонетки, то на каждой была надпись: «Долой Чан Кай-ши!». Отважные люди продолжали вести борьбу, революционное сердце не погасло, а это значило, что пламя революции никогда не угаснет!

Прошло лето, а отец всё ещё не имел работы. Я продолжал собирать в котельной уголь. Но вскоре в моей жизни произошла перемена.

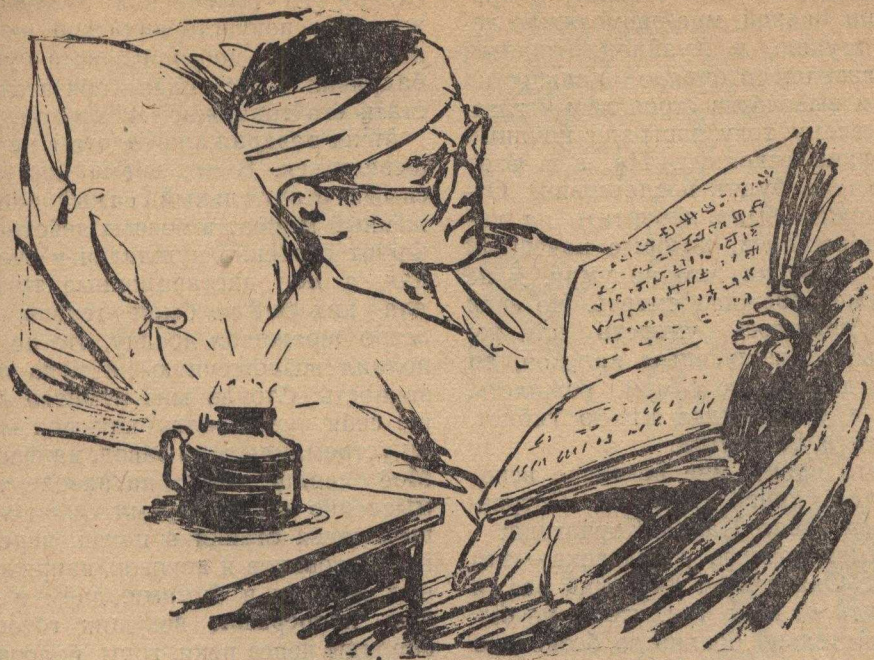
Я услышал, что в селениях за горой в эту осень уродился богатый урожай сладкого картофеля — батата и он продаётся очень дёшево. Рис для нас был роскошью, а дешёвый батат — находка. В один из дней, продав очередную корзину угля, я отправился за горы. Мне удалось выгодно купить почти пятьдесят цзиней * батата.

Радостный я возвращался домой и не заметил, как прошёл большую часть пути. Уже родная деревня виднелась с горки, когда меня обогнала группа людей. Они шли не к посёлку, а поворачивали вправо. У многих за спиной висели котомки.

* Цзинь — чуть больше 0,5 кг.

Одного из проходивших мимо меня я знал — это был слесарь из механического цеха шахты. Я подбежал к нему и спросил:

— Дядя! Куда вы идёте?

— В Цзинганшань, к нашей спасительной звезде! — ответил он, указывая на юго-восток.

— Искать Красную Армию? — тихо вымолвил я.

— Да! До свидания!

— Я тоже пойду! — Бросив коромысло, я последовал за всеми...

* * *

Суровое детство закалило У Юнь-до. И хотя ему не пришлось воевать, он отдал всё своё здоровье делу защиты родины. Он стал героем в тылу, выполняя важнейшее задание по созданию оружия для китайской Красной Армии. Не случайно эта работа считалась важнейшей. У Красной Армии Китая не хватало винтовок, снарядов, мин, патронов. Нужно было наладить их производство, но всё приходилось делать вручную, не было образцов, поэтому приходилось разбирать и изучать захваченные у врага снаряды, взрыватели и прочее. Это очень опасно: человек каждую секунду

рискует жизнью. Малейшее неверное движение пальцев, и смельчаку, разбирающему незнакомый вражеский взрыватель или снаряд, грозит смерть, в крайнем случае, тяжёлое увечье. Эту работу выполняли наиболее выдержанные, смелые и находчивые люди. У Юнь-до сначала был учеником у механика, а затем ему поручили самостоятельные задания. К этому времени он уже стал закалённым членом Компартии Китая, а в его сердце кипела ненависть к иноземным захватчикам и гоминдановцам, разорившим Китай и ввергнувшим народы Китая в жизнь, полную горя и страданий. Товарищи по работе называли У Юнь-до бесстрашным испытателем. Никакие трудности не могли сломить его воли. В самые тяжёлые моменты на помощь У Юнь-до приходил Павел Корчагин. Вот что он сам пишет об этом:

«Лёжа на больничной койке после третьего, самого тяжёлого ранения, я не мог пошевелиться, но, наблюдая за руками хирурга, увидел, что правая нога искромсана, левая нога вся перебита осколками, рука в гипсовом лубке, а всё тело забинтовано. Я знал, что мои ране-

ния тяжёлые. Ещё прежде, в провинции Аньхой, мне разmozжило левую ступню, в Хуайнани минным взрывателем оторвало пальцы на руке и вывело из строя левый глаз, а по всему телу застряли крупные и мелкие осколки... Ну, а в этот раз какие будут последствия? Ответ можно было прочитать на лицах товарищей, которые навещали меня. Я верил, что не умру, я не раз уже побеждал смерть. Но если бы и пришлось умереть или же остаться совершенным калекой, то и тогда мне не о чем сожалеть. Ведь в бою всегда кто-то гибнет, если не я, то другой.

В это время мне невольно вспоминалась книга Николая Островского и слова Павла Корчагина:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Да, человеческая жизнь коротка, а наше дело бесконечно. Отдельный человек может испытать много горестей и страданий, но если мой труд сольётся с трудом других в коллективную победу, то в этом счастье будет и моя частичка. Если я проживу ещё один день, то и его я отдам партии.

Ещё в 1943 году, в период напряжённых боев, наша партия призвала нас учиться у Павла Корчагина его неустрашимому духу, неуклонно повышать своё сознание. Вскоре я достал у товарища из газеты «Сопротивление», вышедшей в Хуайнани, книгу Н. Островского «Как закалялась сталь». Это был единственный на весь район экземпляр, прошедший много человеческих рук. Листы книги были сильно потрепаны. И хотя из-за военных трудностей нам выдавали мало керосина, а норму фитилей сократили с трёх до одного, Павел Корчагин провёл со мною много ночей при тусклом свете копилки. В ярком

сиянии его прекрасной пламенной жизни я почувствовал своё ничтожество. Но я не упал духом, а подбадривал себя: надо обязательно стать его товарищем и другом...

Меня раздражало то, что я не мог шевелиться. В это время наступил самый решительный, самый напряжённый момент в боевых действиях. Фронт особенно нуждался в снарядах, а мои дистанционные трубки для них ещё не были готовы, и я остро переживал досаду, что не выполнил возложенную на меня обязанность. Стоило мне немного лучше себя чувствовать, как мои мысли устремлялись на завод, на фронт. Моё сердце было на заводе, и я мысленно видел стремительно вращающиеся станки в цехах, вереницы грузовиков и повозок, запряжённых мулами и быками, днём и ночью непрерывно везущих готовые снаряды через реки, горы, болота — туда, где сражаются наши бойцы...

Но стоило открыть глаза, и перед нами вставали белые стены и потолок госпиталя... Однажды я попытался приподняться, но резкая острая боль свалила меня обратно. От досады на моих глазах выступили слёзы.

Моя жена Лу Пин никогда не видела у меня слёз и, испугавшись, что случилось что-то очень страшное, подбежала ко мне, обняла и тихо спросила:

— Дорогой У, что с тобой?

— Я хочу на завод.

— Что?! На завод?! Скорей перестань шевелиться! Лежи спокойно, тебе нельзя двигаться. Не болтай попусту! Не фантазируй!

Я не мог двигаться, но решил попробовать писать. Если я сам не могу быть на заводе, то там может быть моя рукопись, она поможет товарищам в работе над взрывателем, которого ждёт фронт. После настоячивых просьб врачи уступили и нашли способ устроить меня на кровати в полусидячем положении, сделали для меня специальную доску, на которую я мог положить бумагу. Лубками левой руки я придерживал лист, а правой попытался писать. Руки слушались плохо, но всё-таки

в первый день я смог написать две тысячи иероглифов! Сердце наполнилось радостью. Три дня непрерывной работы, и рукопись с чертежами окончена и отправлена на завод. Там её перепечатали и сброшюровали. Но в здорovie больших улучшений не было. Рентген показал, что в голове и ногах очень много осколков. Лечащий врач откровенно сказал мне:

— Твой левый глаз не видит потому, что в нём сидит большой осколок, а сейчас на рентгене мы увидели, что и в правом глазу тоже застрял кусок металла.

Иными словами, правый глаз тоже находился в опасности, и передо мной вставала перспектива жить во мраке, не видя света. Волнуясь, я спросил:

— Как скоро ослепну?

— Сказать трудно, — скорбно ответил врач.

Я дорожил каждой минутой своего времени. Пока глаз ещё видит, нужно учиться, чтобы заполнить пробелы в моих знаниях. Я составил расписание занятий и твёрдо выполнял план. Как голодный, я глотал литературные произведения и книги по теории, изучал иностранные языки. Через три месяца я достаточно хорошо знал японский язык, чтобы читать книги по нужному мне вопросу (в то время большая часть специальной технической литературы у нас в стране была на японском языке).

Когда весеннее солнце постучалось в окно больничной палаты, я прибавил к своим ежедневным занятиям физические упражнения, которые могли помочь мне быстрее подняться с постели. В апреле я сделал первый шаг по комнате. Первый шаг! Я не в силах был сдерживать радости и вскрикнул:

— Смотрите! Я хожу!

В тот же день я написал письмо с просьбой выписать меня из госпиталя. Меня выписали, но не на завод, а в санаторий.

Больших трудов стоило добиться разрешения продолжать работу над взрывателями в санатории, но мне пошли навстречу, выделили помеще-

ние и прислали необходимые приборы и химикаты. Я уже мог передвигаться на костылях и даже совершал небольшие прогулки около своего дома — мастерской. Приближался день освобождения Китая. Требовалось ещё более интенсивно заниматься работой, так как заключительные действия нашей армии требовали исключительного напряжения сил каждого, кто стремился к победе. Я решил приступить к изучению и производству новейшего американского взрывателя. Это был сложный прибор из семидесяти деталей. Очень любопытной оказалась конструкция капсуля. Чтобы понять принцип, необходимо было его разобрать, что я и решил сделать. Зажав капсуль в тиски, я начал осторожно его вскрывать, но только извлёк предохранитель, как раздался взрыв. К счастью, всё обошлось благополучно. Из соседней комнаты прибежал испуганный Сяо Чжоу, помогавший мне. Я успокоил его и, когда он ушёл, не спеша стал разбирать другой капсуль...

К осени чертежи нового взрывателя были сданы на завод, и снаря-

ды с ними стали большими партиями поступать на фронт...

Наконец после длительного перерыва я вновь увидел завод и не узнал его — так он изменился. Новые корпуса цехов; прекрасные лаборатории, специальный институт для подготовки кадров.

— У Юнь-до, ты должен пойти преподавать в наш институт! — сказал мне директор завода, когда сопровождал меня по цехам.

— Я? Не шути!

— Да я вовсе не шучу.

— Разве ты не знаешь, что я простой рабочий и не закончил даже начальной школы?

— Вот с этим я не согласен, — резко заявил директор. — Во-первых, ты коммунист, а во-вторых, у тебя исключительно богатый опыт, которого, пожалуй, нет ни у кого. Чего же бояться?

Да, у меня есть опыт, есть практика, но как мало теоретических знаний! Что бы сделал на моём месте Павел Корчагин? Я представил его себе и решил. До позднего вечера я читал и изучал теорию, а днём, объединяя свой практический опыт с теоретическими знаниями, полученными из учебников, составлял курс лекций и читал его студентам... Чтобы мне было удобно, студенты сделали для меня специальный стул и мягкую подстилку для ног.

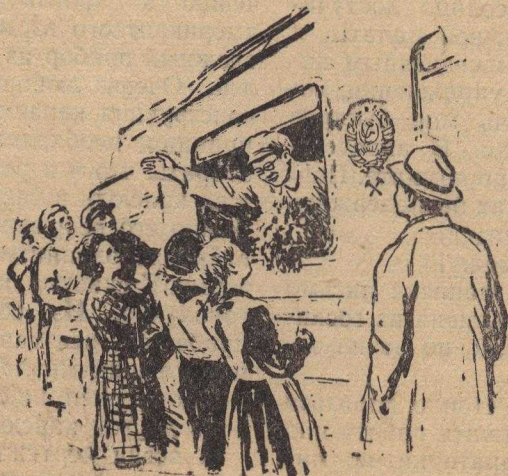
Наступил величайший по своему значению день. Китай стал народным. 1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика. А для меня этот день был особенно счастливым: в связи с тем, что моё здоровье было в очень плохом состоянии — не двигались ноги, приближалась полная слепота (правый глаз почти ничего не видел), партия решила направить меня на лечение в Советский Союз.

Советский Союз — это самое священное имя для нас, китайцев. Для нас это «завтра», «надежда», «дружба». Поэтому всем понятно моё состояние, когда поезд мчал меня по СССР.

Прошло несколько месяцев. Всё это время лучшие советские врачи лечили меня. Мне вернули глаза и ноги. Я снова мог трудиться. Никогда в моей памяти не изгладятся дни, проведённые на моей второй родине — в Советском Союзе, никогда не сотрётся память о советских товарищах!

И вот я снова в поезде, который повезёт меня домой. Высунувшись из окна, я махал провожающим меня советским друзьям, но не видел их — слёзы застилали мои глаза... Раздался свисток, и поезд тронулся, постепенно набирая скорость...

«До свиданья, родная Москва! Я навечно сохраняю в своём сердце священное чувство к тебе».

К И Т А Я СТАРШИЙ БРАТ

Республика свободная!
Тебе девятый год.
Китайская Народная —
Назвал тебя народ.

А сколько нами пройдено!
Ещё таких побед
Не знала наша Родина
За много тысяч лет.

Свои мечты заветные
Осуществил народ:
Он планы пятилетние
Опередил на год.

К социализму ближе мы
Уже на восемь лет,
Горит в китайских хижинах
Москвы далёкой свет.

Союз Советский издавна
Китай старший брат.
Путь освещая к истине,
Огни Кремля горят.

Огни пятиконечные
Ведут нас в коммунизм.
Мы славим дружбу вечную,
Мы славим ленинизм!

П о с л е д а м

КОГДА наступили каникулы, пионеры посёлка Чжанцзябао провели отрядный сбор. Одна из резолюций, единогласно принятая всеми ребятами, была такая: «...Помочь дедушке Чжэн Да-е сторожить арбузное поле».

Звеньевой Чжу Цзя-инь весь день проводил на бахче и оставался вместе с дедушкой на ночь в его шалаше. Они были дальними родственниками, и остальные ребята завидовали своему звеньевому.

В один из вечеров Чжу Цзя-инь, как обычно, сидел около старика и слушал его рассказы. Стемнело. Мальчика клонило ко сну. Вдруг раздался сильный удар грома, сверкнула молния, подул холодный ветер. Приближалась гроза.

— Сегодня мы будем спать спокойно, ишь какой ливень начинается! — проговорил дедушка, устраваясь вместе с мальчиком на ночлег.

Чжу Цзя-инь проснулся далеко за полночь. Дождь почти прекратился. Старик-сторож негромко похрапывал. Чжу перевернулся на другой бок, потеплее укутался курточкой и сладко задремал: кто придёт в дождь воровать арбузы?

Но именно в эту ночь и случилось происшествие.

Когда Чжу Цзя-инь встал, солнце поднималось над горизонтом. Де-

журные пионеры уже давно были на своём месте. Они косо поглядывали на своего звеньевого и шептались:

— Ещё сторожем называется, а спит до обеда! А вчера вечером арбузы украли!

Старик, услышав, только улыбнулся:

— Да что вы, детки! Не успели прийти, а говорите: «Украли!» Как же вы это узнали?

— Вчера-то вечером было 158 арбузов, а сегодня 156! У нас в дневнике всё записано... — наперебой закричали ребята.

— Смотрите, след от ботинок!.. — раздался вдруг испуганный голос с другого конца поля.

Все устремились туда. На влажной земле ясно отпечатались следы кожаных ботинок. Кто это мог быть? В посёлке никто не носил кожаной обуви: и дети и взрослые носили распространённые в Китае «бусе», т. е. матерчатые туфли на войлочной подошве. Кожаная обувь дорогая; кроме этого, в ней неудобно ходить по крутым горным тропам.

— Давайте выследим воров, — предложил Чжу Цзя-инь.

Все радостно встретили это предложение. Это же игра в разведчиков и почти по-настоящему!

— Да стоит ли ходить! — стал отговаривать их дедушка. — Проходили люди по дороге и съели пару ар-

бузов. Что за счёты? Да и ушли они уже, наверное, далеко.

Маленькие сторожа не соглашались. Они принялись доказывать, что им поручена охрана огорода и они никому не позволят украсть хотя бы один арбуз, а если случилось так, что украли, то они непременно должны разыскать виновных и объяснить им, как некрасиво воровать арбузы с бахи семьи воина-героя.

Звеньевой Чжу Цзя-инь предложил разделиться на две группы — одной остаться сторожить бахчу, а другой пойти по следам вора.

На поиски человека в кожаных ботинках отправились пять человек: звеньевой Чжу Цзя-инь и пионеры Чжи-юн, Бин-гуан, Бай-чжу и Сяо-линь. Хотя Сяо-линь был самый младший в звене, но разведчики всё равно решили взять его с собой — он был самым лучшим следопытом в отряде.

Разведчик и ещё раз изучили следы. Они тянулись к бахче со стороны гор. Изучив внимательно окружающую местность, ребята обнаружили, что воров было двое. Судя по размеру шагов, один из

них был высокий, другой маленький и хромой. Определил это Сяо-линь. «Посмотрите, — разъяснил он товарищам, — короткой одной ногой оставляет глубокий след, а другой едва касается земли. Так может ходить только хромой, он припадает на одну ногу».

— А вот и обратные следы! — вдруг крикнул Бин-гуан. — Смотрите! Смотрите! Они ведут обратно в горы!

— Пошли! — скомандовал Чжу Цзя-инь.

Когда маленькие разведчики подошли к седловине горы, солнце стояло прямо над головой. Пот градом катил с их лиц. Дорога у горы разделялась на две тропинки. Одна

шла в уездный город, другая — к морю. Но главная трудность заключалась не в этом. В горах на камнях не было видно следов. Что же делать?

Чжу Цзя-инь отдал приказ: «Разойтись! Найти, в какую сторону ушли воры!»

Сяо-линь, пройдя немного вперёд по левой дороге, вдруг увидел у обочины арбузные корки, и только он хотел позвать товарищей, как с другой стороны раздался радостный крик Бин-гуана — он тоже нашёл арбузные корки. Ребята растерялись: неужели воры съели арбузы и разошлись в разные стороны?

Сяо-линь внимательно рассмотрел находки, подумал и, не торопясь, заключил:

— Те, что валяются слева, старые. Они всю грозу пролежали здесь — смотри, как раскисли. А вот

эти свежие, на них даже розовое мясо осталось. Мне кажется, что жулики пошли вправо...

— Правильно! В погоню! — заторопились разведчики.

Тропинка всё время сужалась и вскоре почти совсем исчезла.

Солнце нещадно пекло головы.

— Смотрите! Впереди опять корки! Совсем свежие! — раздался голос Бин-гуана. Он шёл первым, остальные ребята двигались за ним гуськом.

Вдруг Сяо-линь остановился. Его взгляд приковали следы новых кожаных подошв с гвоздями, ясно отпечатавшимися на влажной почве в стороне от дороги. Неподдалёку валялся обрывок газеты. Звеньевой подобрал его и прочёл вслух:

— 26 июля...

— А сегодня 27-е, — подсказал Чжи-юн.

— А как могла так сразу сюда попасть вчерашняя газета из районного центра? Не иначе, воры вы-

ехали из города вчера ночью. Неужели они приехали сюда, чтобы украсть два арбуза? Мы должны найти этих неизвестных! — заключил Чжу Цзя-инь.

— Всё это правильно. Но в какую сторону нам идти? — начал было развивать свою мысль Сяо-линь. — Тропинки разбегаются во все стороны, как муравьи, а следов и арбузных корок больше не видно!

В это время прибежал Чжи-юн, в руке он сжимал окурок сигареты. Пока ребята рассуждали, он решил пройтись немного вперёд и теперь был страшно доволен своим решением. Все окружили счастливого. Окурки оказались очень интересными — жулики курили самые дорогие китайские сигареты марки «Мэйли».

— Где ты нашёл? — спросил звеньева.

— Вон там, у большого камня!

— Что ты скажешь?

Чжи-юн внимательно осмотрел камень, землю перед ним и место, где лежал окурки, подумал и сказал:

— Этот окурки бросил хромой. Он сидел на камне и курил в ожидании своего приятеля. Сидел он на камне, положив ногу на ногу. Видите след одной подошвы? Когда он заметил, что высокий направляется к нему, он встал и, бросив окурки, пошёл к лесу. Высокий следовал за ним. Видите следы?

Многие не поверили, так как никто никаких следов не видел.

— Надо внимательно смотреть, — ворчливо произнёс Сяо-линь. — Смотрите, как примята трава. Конечно, ясных следов, как на влажной земле, нет, но нужно учиться глядеть и видеть...

Мальчик оказался прав. Не успели ребята сделать и сотни шагов,

как наткнулись на ясно отпечатавшиеся в глине следы знакомых подошв.

Когда пионеры вошли в лес, они точно спустились в тёмный погреб. Они шли в зелёном тоннеле, солнечные лучи еле пробивались сюда сквозь густую листву. Этот участок леса местные жители называют «Чёрной рошей». Зачем пошли сюда жулики? Мальчикам стало страшно. Что-то затрещало в кустах. Ребята остановились и, пугливо оглядываясь по сторонам, собрались в тесный кружок. Цзя-инь потёр виски, поглядел по сторонам, потом немым неестественным голосом сказал:

— Ребята, чего вы испугались?

Вокруг стояла тишина. Всё было спокойно. Успокоились и дети.

Трава в лесу была мокрая от росы. Брюки и туфли у всех давно промокли. Однако никто из пионеров не жаловался. Вскоре лес кончился, настроение у ребят поднялось.

Всем хотелось есть, во рту пересохло от жажды, но не это омрачало настроение: на твёрдой сухой дороге не было и намёка на следы.

Впереди ровным зеркалом блестела голубая поверхность моря. Школьники часто ходили сюда в поход — купались, собирали красивые морские раковины. Недалеко от берега раскинулась деревня. Лёгкий ветерок доносил запах дыма — на-

ступило время обеда. Ребята ещё больше захотели есть и пить.

— Чаю бы сейчас! — проговорил кто-то...

— Давайте зайдём к одному знакомому старику! — предложил маленький Сяо-линь. — Отсюда шагов двести его хижина. Как спустимся с горы, сразу видно его фанзу.

Через несколько минут ребята сидели перед хижинкой и жадно пили из чашек зелёный крепкий чай. Старик слушал пионеров и улыбался. Когда все высказались, он сказал:

— Поймать воров? Хорошо! Очень хорошо! У меня с поля немало сладкого картофеля потаскали. Если поймаете, я и за свой батат взыщу!

— Дедушка, а вы не видели, проходили ли они здесь? — вдруг спросил Бай-чжу.

— Нет, похожих на жуликов не видел. Проходили, правда, здесь какие-то двое, но я не обратил на них внимания, похоже, что они — солидные люди. А пошли они туда, — и он махнул рукой в сторону деревни.

Порядочные люди? Всё это казалось очень странным! Под горой большая деревня. Ребята знали, что там есть кооператив, рыбный рынок, овощной базар, магазин, ресторан. Очень странно, что незнакомцы пошли сюда через горы, затратив на дорогу самое малое три часа, а если бы они пошли по шоссе, то потратили бы всего час. Но на шоссе часто встречаются военные. Неужели из-за двух арбузов они испугались солдат Народно-освободительной армии?!

Перекусив у дедушки, ребята побежали в деревню. Они кружили по улицам, но разве найдёшь среди сотни прохожих двух совершенно незнакомых людей? Настроение у всех упало. Выручил опять маленький Сяо-линь.

— Пойдёмте к Вану. Он на каникулах гостит здесь у родных. Я знаю, где он живёт, — предложил малыш.

Звеньевой подумал и согласился. Усталые мальчуганы, понутив головы, плелись за Сяо-линем. Прошли один квартал, другой. Из уличной

закусочной потянуло жареным луком, и Бай-чжу, проглотив набежавшую слюну, повернул голову в сторону, где так вкусно пахло. Вдруг он замер с широко раскрытым ртом.

— Ты чего отстал? — окликнул его Чжу Цзя-инь.

— Посмотри, — одними губами сказал Бай-чжу.

За столиком под тентом сидело двое посетителей — один высокий в военной форме, но без знаков различия, похоже, демобилизованный, другой невысокого роста, в обычном костюме служащего государственного учреждения, с большим портфелем на коленях.

Чжу Цзя-инь удивлённо взглянул на приятеля: что тут особенного?

— Ботинки, — еле слышно прошептал Бай-чжу.

Большие, из добротной кожи ботинки сидевших за столом были испачканы серой глиной. Пока мальчики разглядывали незнакомцев, те расплатились и встали. Низенький сделал несколько шагов. Сомнений больше не было — он хромал!

Остальные ребята ничего не принимали.

— Может быть, у них важное дело, но кто позволил им воровать арбузы дедушки Чжэна? — высказал вслух свою мысль Цзя-инь.

Незнакомцы, услышав слова звеньевого, обернулись. Высокий внимательно посмотрел на ребят, кивнул своему товарищу, и незнакомцы быстро пошли по улице. Дойдя до первого перекрёстка, оба почти бегом свернули в переулок. Чжу Цзя-инь махнул рукой:

— В погоню!

Однако когда ребята добежали до поворота улицы, в переулке не было ни души. Воры словно сквозь землю провалились! Слева стояли два дома, впереди и справа — глиняный забор фруктового сада. Вероятно, незнакомцы зашли в один из домов. Проверить дома? Но кто дал пионерам на это право? Сидеть и ждать, когда они выйдут? А если жулики воспользуются проходным двором? Мальчики разделились на

две группы и стали патрулировать вокруг домов...

Вскоре вернулся Сяо-линь. Он отчаянно замахал руками:

— Там! Там! Они сидят в саду!

Чжу Цзя-инь сделал знак молчать и осторожно пробрался в сад. Сяо-линь последовал за ним. Как настоящие разведчики, они незаметно приблизились к сидящим и спрятались в кустах.

В это время высокий вынул из кармана брюк пистолет и стал протирать его носовым платком. Хромой закурил сигарету:

— Мне не нравятся эти чертенята!

— Ерунда! Скоро начнётся прилив и придёт наша джонка! — ответил высокий.

— Несколько мальчишек — стоит ли волноваться! — злобно проворчал первый. — Прогоним. Жаль, раньше в лесу не заметили, — кончили бы их!

— Посмотрим, кто кого! Посмотрим, как вы сядете в лодку, проклятые шпионы! — сквозь зубы проговорил Чжу Цзя-инь и потянул Сяо-линя за рукав.

Приятеля неслышно выползли из сада и поманили остальных товарищей.

— Мы искали воров, а нашли шпионов! — задыхаясь, выпалил Цзя-инь. — Чжи-юн, беги, ищи милиционера или любого военного, а мы будем следить за ними здесь!

Не успел Чжи-юн скрыться за углом, как в заборе зашевелился большой камень, и открылся проход из сада. Сначала высунулась голова хромого, а потом он выполз сам и, осмотревшись по сторонам, позвал высокого. Не оглядываясь, оба торопливо направились к морю. Мальчики напряжённо смотрели вдоль улицы, ожидая увидеть Чжи-юна в сопровождении военных, но никого, даже прохожих, не было. Что же делать? Неужели шпионы уйдут? Первым вскочил Цзя-инь. Он решительно догнал уходящих и вежливо спросил:

— Дяди, вы куда идёте?

Высокий, не обращая на него внимания, продолжал идти. Хромой что-то собрался ответить, но, взглянув на соседа, тоже промолчал. Тогда Чжу схватил хромого за ногу и закричал:

— Нельзя! Не пущу в море!

Высокий обернулся и со всей силы лягнул мальчика. На выручку звеньевому бросился другой пионер с криком: «Ловите шпионов!» У

звеньёвого по лицу текла кровь, но он не выпускал ногу хромого. Другие ребята бросились на высокого. Тот, сбросив с себя мальчиков, схватил пистолет. Раздался выстрел. Но это выстрелил не шпион, а убежавший из-за угла пограничник. Высокий шпион вздрогнул и медленно поднял вверх руки. Чжу Цзя-инь не слышал этого выстрела, он продолжал кусать ногу хромого...

Шпионы были задержаны. В портфеле оказались важные документы, которые они собирались передать на остров Тайвань, где нашёл себе убежище бандит Чан Кай-ши.

Ну, а как же ребята? Пострадал только один Чжу Цзя-инь. Его пришлось положить в больницу. Каждый день его навещали товарищи и бойцы пограничного отряда. А ко-

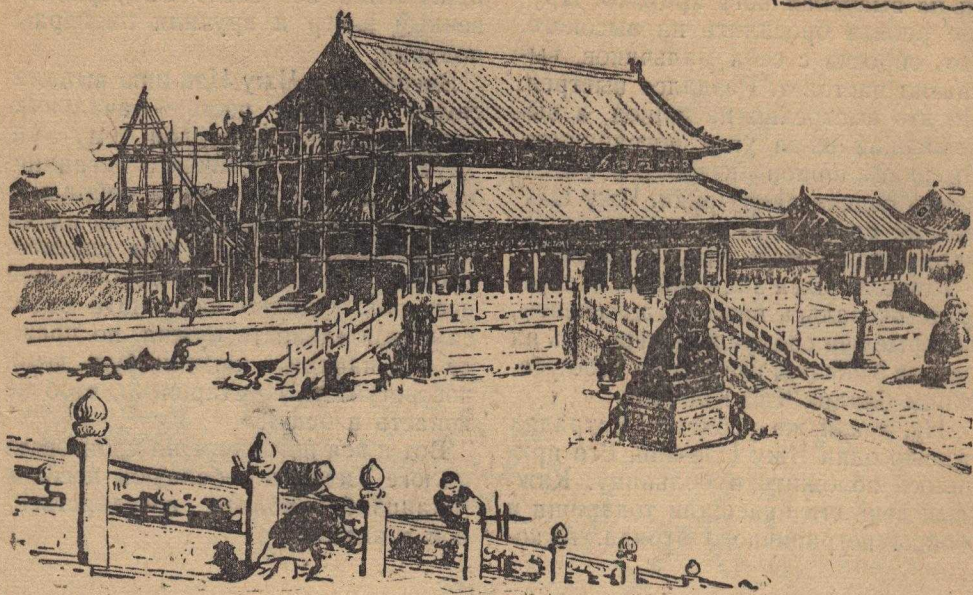
гда он поправился, пограничники пригласили всё звено на торжественный вечер и вручили пионерам подарки.

Звеньёвому Чжу Цзя-иню выпала самая большая честь — начальник погранзаставы приколот ему на грудь значок «Отличного пограничника». И когда пионеры собрались идти домой, командир сказал им на прощанье: «Большое вам спасибо, ребята. Вы совершили героический поступок. Однако запомните одно: самостоятельность нужна, но прежде чем начинать какое-нибудь дело, посоветуйтесь со старшими, чтоб не попасть в беду!..»

Вот и вся история. Она произошла на юге Китая, в небольшом посёлке Чжанцзябао вблизи государственной границы.

Стук молотков,
Шуршанье пил, —
Отраден труд свободный.
Здесь прежде император жил,
Теперь дворец — народный.

Балконы, башенки, мосты...
Когда на них посмотришь ты,
То пред глазами встанет тот,
Кто создал это всё — народ!

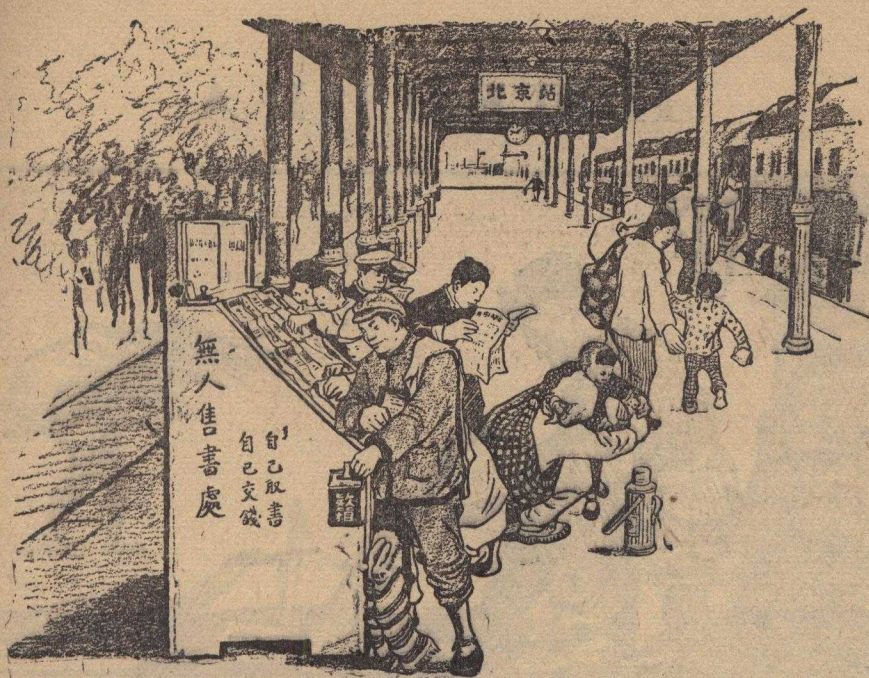
В парке имени Сунь Ят-сена

У мамы нынче выходной.
Она пришла сюда со мной.
Тут самых разных игр не счесть:
Качели там, а горка здесь.

Мы веселимся и поём
О том, что радостно живём.
В пекинском парке детвора
Играет с самого утра.

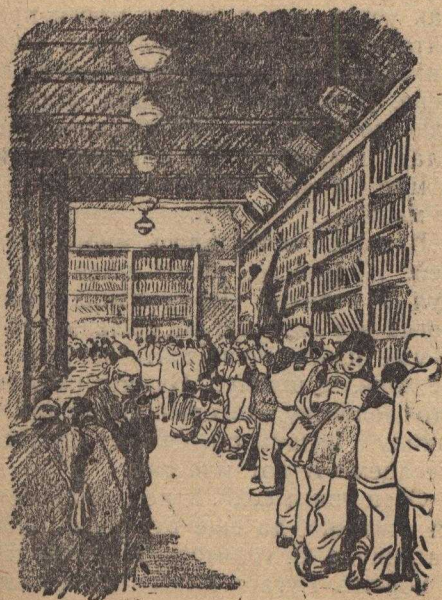

Здесь киоск газетный есть.
Подойдём поближе!
Столько — даже и не счесть —
Для ребят в нём книжек.
Есть газеты для отца,
Но не видно продавца.

Деньги в ящик опусти, —
Книгу взял и захвати,
Если нужно, сдачу,
А потом в Шанхай кати
Иль, как мы, — на дачу!

В книжном магазине

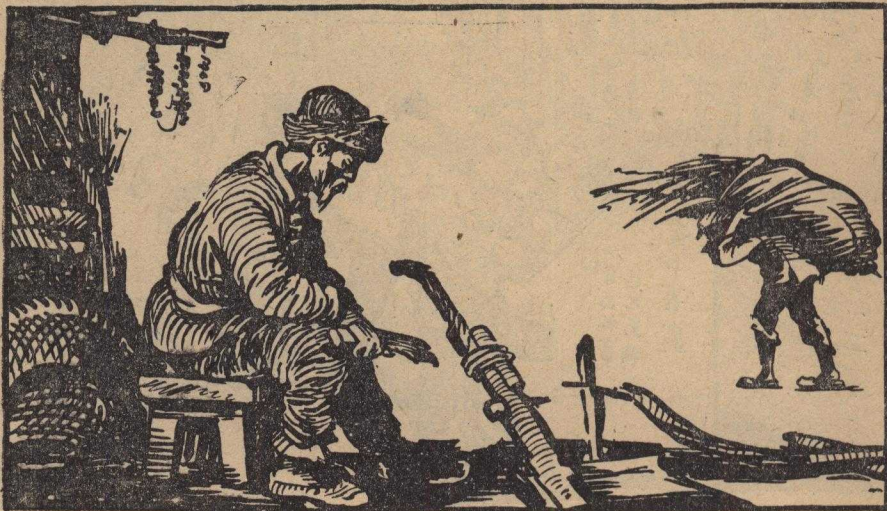

Вот главный книжный магазин.
Всегда светло здесь очень.
Народ толпится у витрин:
Студент, боец, рабочий.
Крестьянин с книжкой у окна,
Читать он научился,
Но книга взрослая трудна —
Он с детской подружился.

Рисунки и стихи
Шао Юя

ПШЕНИЦА

(РАССКАЗ ПИОНЕРА)

МАЙ. Созрела пшеница. В деревне наступила самая горячая пора. Мои родители единоличники. Они встают задолго до рассвета, но всё равно не справляются с работой — семья большая, а рабочих рук мало. Мне не удалось погулять несколько каникулярных дней — нужно было помогать. Пришлось даже пропустить и занятия в школе.

Вчера я с отцом ходил в лес за листьями для скотины. Набрал большую охапку, принёс в дом, а мать, улыбаясь, сказала: «Ну, мой молодец, да ты всю комнату завалил, куда так много!» Отец заворчал: «Куда, куда, будто этого хватит!» Отец вообще последнее время очень ворчлив. Слова ласкового не скажет.

В тот день рано утром, когда солнце ещё не встало, а на западе ещё мутным светом горели две запыленные звезды, мать готовила завтрак, а отец, ворча, чинил соху. Он ворчал потому, что не успел расколоть одну чурку, как слетела ру-

кояток топора. Я пока был свободен и отправился на реку.

Мне ещё нет четырнадцати, но я высокого роста, и мама говорит, что скоро перерасту папины плечи. Однако за несколько дней работы я так устал, что глаза не могли прочитать ни одного иероглифа в учебнике. Холодная вода реки освежила меня. Я плаваю, как рыба. Люблю плавать! Но что за удовольствие плавать одному? Все плавают днём, а мне некогда. У всех каникулы, а у меня...

В голове шевелилось много мыслей. Интересно, какой план каникул в отряде? Перед каникулами, когда все пионеры обсуждали план, я уже начал пропускать занятия и не ходил в школу... Ну, кто скажет, что человеку, который не ходит в школу, пять-шесть дней кажутся месяцем? А вот мне так.

Отец чинит соху. У него получается неважно, да ещё рукоятка топора никуда не годится. Отец возится и ворчит. Ругает плотника. Я слы-

шал, что он посылал позавчера маму за плотником, а тот сказал: «У меня кооперативный инвентарь ещё не весь приведён в порядок, поэтому я верчусь, как белка в колесе. А ты со своим делом подожди денёка два, тогда поговорим». Отец, узнав о таком ответе, разозлился: «У, рыбы его глаза! Людям жить надо, а ему и дела нет! погоди, я и сам справлюсь назло тебе!» Когда плотник увидел, что отец сам чинит соху, он невозмутимо проговорил: «Ну вот и порядок. Сам чинишь и хорошо!» Отец вскипел, и если бы рядом не было посторонних, то завязалась бы драка.

Мой отец бедный крестьянин. Всю жизнь провёл в лишениях. Если кто придёт помощи попросит, то последнюю лепёшку отдаст, но за эти два года его характер сильно изменился. Что же произошло?

В позапрошлом году в нашем селе стала организовываться кооперативная группа взаимопомощи. Чжан Фу-ну предложил отцу вступить и отдать инвентарь в общее пользование. А отец эту хорошую идею понял по-своему, решил, что его хотят обмануть. Он свои мысли оставил при себе и только проговорил: «Подожду пока, посмотрю». Потом добавил: «Помощь, помощь! А что мне помогать? Силы у меня есть, скотина тоже. Землю я, как и все, получил. Без вашей помощи как-то спокойнее! Интересно, кто убытки от вашей помощи будет возмещать?» И так отец всё время «ждал». В этом году кооперированные крестьяне получили богатый урожай. У нас оказалось меньше, чем у других, и отец стал злым. Кооперативная группа взаимопомощи стала преобразовываться в сельскохозяйственный производственный кооператив. Чжан Фу-ну опять предложил отцу вступить, но отец пожелал остаться вне кооператива. Его так и прозвали «кадровый одиноличник» — ведь он такой один в нашей деревне.

С созданием кооператива ещё лучше люди зажили. Теперь у всех продовольствия хоть отбавляй, а у нас скудно — рис каждый день

не едим, да и зерно приходилось заимать. У кооперативных в долг брали. Стыдно, но брали.

«Эх, папа, папа! Когда же ты поймёшь, в чём дело, и станешь на правильный путь? Когда же поймёшь, что мама из последних сил выбивается, да ведь и ты тоже? А мне-то в школе каково! Я ведь пионер. У всех папы, как папы, а у меня?.. Папа у меня очень хороший! Но почему он такой?» — думал я, и в носу у меня щекотало и становилось сыро. Наверное, перекупался, и вода в нос попала...

«Сяо-ланы! Куды ты ушмыгнула? — раздался голос отца. — Скорей иди есть и пора в поле!» Увидев меня с книгой, — я её брал с собой на речку, — заворчал: «Всё книги да книги! А я тебя спрошу — ты или не ты ешь пшеницу? Я всё время вижу, что едят пшеницу или рис, вижу, как занимают продовольствие, но ни разу не видал, чтобы питались иероглифами!»

Характер у папы сильный. В доме всё делается, «как папа хочет». Мама, услышав грозный голос отца, вбежала к нам, боясь, что отец, вспыхнув, поколотит меня. Видя, что всё в порядке, она стала успокаивать меня: «Ты уж не обижайся на отца! Он всю ночь не спал — нездоровится ему». Это было правдой.

Несколько дней отец чувствует себя неважно, даже по лицу заметно.

Позавтракав, мы всей семьёй отправились в поле. Отец опять ворчал: «Что вы плетётесь, как полумёртвые жуки? Быстрее можно ходить!»

У моей мамы маленькие ноги. Она старая, и в детстве ей по старинному обычаю бинтовали ноги, поэтому быстро ходить она не может, без опоры ей тоже трудно, ведь она большая, а ступни её ног, как у трёхлетнего ребёнка. Я поддерживал маму и пропускал её впереди себя. Первый шёл, конечно, папа.

Одеты мы все неважно. У мамы старый, много раз чиненный халат, старые тряпочные туфли. Да она ещё утром ходила за водой, промочила ноги и сейчас дрожит от утренней прохлады. Мне её очень жалко.

За эти два года мама заметно постарела. На голове появилось много седых волос. Сестра председателя кооператива однолетка с моей мамой, но выглядит куда лучше, да и жизнь её после кооперирования стала легче. В кооперативе женщин от тяжёлой работы освободили, даже решение по этому вопросу выносили на собрании, — я сам слышал, но только дома не говорил, что на

собрание ходил, — боялся, что от папы попадёт.

Вот мне в отряде говорят, что папа у меня старорежимный и я должен его критиковать. А я не могу. Пусть старорежимный, пусть не вступает в кооператив — он мой папа, и я его очень люблю, хотя мне и нередко достаётся от него. Я пионер, я всё понимаю, чему меня в школе по обществоведению учат, но папу всё-таки люблю. Мне его жалко. И маму. Какая она у нас несчастная, хотя теперь для всех наступила счастливая жизнь!..

Пришло время обеда. Мы сжали пшеницу на одном куске поля. Работали, не разгибая спины, и когда папа сказал «перерыв», мы едва смогли выпрямиться.

Я отошёл немного в сторону и стал смотреть вдаль, на стайку птиц, которые то пролетали над самой землёй, то устремлялись ввысь. Вдруг раздался резкий голос мамы. «Сяо-лань! Отец! Сяо-лань! Отец!» Я моментально обернулся и увидел склонившуюся к земле маму. Папы не было видно. Я метнулся к маме и тут увидел отца. Он лежал на земле, лицо его свела судорога, глаза были закрыты, мама поливала его голову водой. Мои губы невольно задрожали, из глаз полились слёзы. Я растерянно стоял и ревел. Через несколько минут папа очнулся и блуждающим взглядом обвёл вокруг, потом прищурился и посмотрел на маму, пошевелил губами и едва слышно произнёс: «Сынок, мама, а как пшеница? — На его глаза набежали крупные слёзы. — Нужно поскорее убрать, пока погода хорошая. Смотрите, с севера тучка ползёт... Вам придётся постараться... Если погибнет урожай, то нам троим собранного не хватит, ещё малыши у бабушки...»

— Сяо-лань, ты устал совсем, бедный, — проговорила мама, утирая полую халата слёзы.

— Устал, не устал, выхода нет, — через силу, но ворчливо бормотал отец, — питаться ветром не будешь. Скорей принимайтесь за работу, а я чуток полежу и приду в себя...

Начавшийся ветерок донёс к нам обрывок песни:

*Наша сила — сила коллектива,
Нам не страшны ветер и гроза...*

Это пели на поле кооператива. Там тоже сегодня начали уборку. Запевала Чунь Мэй-цзу — бойкая молодая девушка, культорг кооператива. Она и поёт хорошо и считается самой красивой, любит читать и руководит кружком по ликвидации неграмотности. За это её и выбрали культоргом.

Отец лежал с закрытыми глазами и ровно дышал. Я подумал, что он спит, и сказал: «Мам! Я побегу посмотрю — может, дядя Чжан Фу-ну на поле, попрошу его, чтобы он дал нам двух человек помочь отнести папу домой, ладно?»

— Не смей никуда ходить! Я ползком, но сам доберусь домой! — одним духом выкрикнул папа, схватив меня за брючину.

Кооперативные к нам относились неплохо — всегда давали в долг и без всяких процентов; когда папы не было дома, женщины помогали маме. Да и сам отец не отрицает, что к нам относятся нормально.

Папа немного поел, ему стало чуть лучше, и он, шатаясь, встал. Я обратился к маме: «Ты иди, проводи папу домой, а я один приналягу».

— Милый мой, ты совсем измучился, да ещё... — тихо проговорила мама и, сдерживая слёзы, взяла папу под руку. Останавливаясь через каждые два шага, она пошла с ним домой. Когда они поднялись на гору, то я увидел, как отец обернулся в мою сторону. Только я не знаю, куда он смотрел — на меня или на пшеницу...

Я съел несколько холодных лепёшек и начал жать. Но много ли делает один человек, да ещё не совсем взрослый! Устав, я на минуту выпрямил спину и машинально посмотрел вдаль. Впереди шла цепочка ребят. Зрение у меня хорошее — я лучше всех в классе вижу далёкие предметы. Присмотревшись, я узнал, кто идёт. Все — мои знакомые. Они учатся пасти общественный скот — это их летняя помощь

кооперативу. Они не всё время пасут скот, нет. Они успевают и поселиться, и поиграть, и скот пасти. Первым шёл знаменосец отряда, мы зовём его толстячком, а настоящее его имя Ван Цзинь-хай. Вторым — мой сосед по парте Ли Чжен. Я не удержался и побежал к ним, чтобы узнать новости, но, сделав несколько шагов, остановился как вкопанный: что я буду говорить? Я пропускаю занятия... Сейчас убираю пшеницу... Наша семья ещё одиночная...

Мне вспомнился разговор председателя кооператива с нами, когда мы отдыхали во время перерыва между уроками. Чжан Фу-ну тогда сказал: «Вот окончатся ваши занятия весной, я договорился с механизированным госхозом, и мы мальчиков, кто пожелает, пошлём учиться на помощника тракториста». Но эти слова относились только к тем, чьи родители были членами кооператива. Значит, всех пошлёт, а я один останусь дома... От этих нерадостных мыслей лицо моё сделалось красным, как апельсин. Мне было стыдно за моих родителей...

«Сяо-лань! — раздалось впереди. — Вожатый послал нас к тебе на помощь! Привет от звена!» Подбежавшие ребята окружили меня. Ван Цзинь-хай, узнав, что мой отец заболел, прибежал в поле, где был наш отряд вместе с вожатым, и сказал: «Скорей ешьте! У Сяо-ланя отец болен! Сяо-ланю помочь надо!» Вожатый поддержал Вана, и звено по боевой тревоге отправилось на помощь мне.

Не успели мы все приступить к работе, как появился председатель Чжан Фу-ну в сопровождении трёх крестьян — они тоже пришли помогать. Оказывается, он был в правлении, когда мать вела отца домой, и всё видел. Не говоря ничего моим родителям, он быстро побежал на поля, перераспределил работающих и высвободил троих на помощь мне. Четверо взрослых да наше звено в два счёта убрали всё поле. Только Ван долго возился — он колоски собирал и поучительно ворчал, что нельзя хлеб оставлять на земле —

это нехозяйственно. Все собрались домой, но я решил задержаться и кое-где поправил снопки. Пришёл я в деревню к ужину, когда из труб уличных печек поднимались прозрачные столбики сероватого дыма. Только один их вид возбуждал аппетит, и во рту приятно набегала слюна. Мама встретила меня у забора: «Сынок, я ничего ещё не приготовила — только успела воду вскипятить. Папа всё время порывался вернуться на поле, я его уговаривала, но он всё же пошёл, ему опять плохо сделалось, он упал на улице, и дядя Чжан Фу-ну притащил его домой. Сейчас отец лежит». Я прошёл в комнату и увидел спящего отца.

К вечеру небо быстро темнело. Набегали тучи. Чувствовалось приближение дождя.

Отец позвал меня, и я сел на край его кровати. Заметив на его лице капли пота, я взял веер и стал им легонько помахивать. Отец, сжав мою свободную руку, дрогнувшим голосом произнёс: «Сяо-лань, ты очень устал сегодня?» «Нет, — ответил я, — а как ты себя чувствуешь?»

— Сяо-лань, — продолжал папа, — сходи к Чжан Фу-ну и спроси, когда я должен отплатить за помощь... Четыре взрослых работали целых полдня, — вслух подсчитывал отец.

— Сяо-лань, — услышав слова отца, заговорила мама, — Сяо-лань, скажи дяде Чжану, что папа завтра уже сможет встать и придёт к нему благодарить.

— Мам, нужно ещё поблагодарить наше звено, — торопливо сказал я, — ведь оно тоже помогало убирать...

Пожинав, я пошёл к дяде Чжану. Застал его за едой. Я передал ему всё, что велели отец и мама, а от себя добавил: «Дядя Чжан, придумайте способ, как вовлечь моего папу в кооператив!»

Сестра дяди Чжана закончила ужин, прибавила в лампе огня и взяла учебник иероглифов. Немного погодя она полушутя-полусерьдся

сказала: «Сяо-лань, я тебя спрашиваю: твой отец наворчался достаточно? Если он ещё на тебя сердиться будет, то мы с Чжаном, пожалуй, заберём тебя к себе!»

А дядя Чжан, словно не слыша слов сестры, поковырял палочками рис и, повернувшись ко мне, медленно заговорил: «Ты... вот что... иди домой, а я поужинаю и займусь распределением завтрашних работ. Потом зайду к твоему отцу проведать его. Если бы ты и не пришёл, то я всё равно собирался к нему. Он у нас один единоличник остался, а Председатель Мао Цзэ-дун говорит, что кооперирование сельского хозяйства — это очень важное для всех крестьян дело; для их же выгоды они не должны оставаться в стороне. Мы не можем не принимать близко к сердцу дело твоего отца. В прошлый раз я в районе встретил твою старшую сестру, она тоже говорила мне об этом. Я виноват. Раз я не сумел доказать твоему отцу, что кооператив необходим ему, значит, я и виноват».

Чжан Фу-ну у нас по всей деревне славится, как самый большой шутник, но сейчас в его словах не было и намёка на шутку. Я даже удивился его серьёзному тону. «Эх, Сяо-лань, — продолжал дядя Чжан, — вот даже взять сегодняшний случай с тобой. Сколько ещё трудностей у единоличников! А всё из-за того, что они ошибаются... А вина-то всё-таки моя... Значит, разъяснительную работу я не до конца провёл...» Чжан Фу-ну медленно помешивал палочками рис и задумчиво глядел в пиалу.

Я бежал домой уже под дождём. Большие капли падали всё чаще и начинали сливаться в густые струи, ветер хлопал ставнями незакрытых окон.

Отец лежал на кровати и смотрел на две дырки в потолке, откуда капала вода. Вчера внезапно налетевший ветер сорвал несколько черепиц, а отец не успел их поставить на место. Я помог маме отодвинуть папину постель в сторону и, встав на стол, заткнул дырки старой соло-

мой. Дождь лил всё сильнее и сильнее. Придёт ли Чжан Фу-ну? Я присел на ступеньку у порога и стал ждать его.

— Сяо-лань, скорей мой ноги и ложись спать, ты сегодня совсем измучился! — услышал я сонный голос отца. Хотя в нём были ворчливые нотки, но такие слова я услышал впервые, пожалуй, за эти два года.

Я выполнил приказ отца и лёг спать. Только я укрылся, раздался характерный звук шагов и затем стук в дверь — вошёл Чжан Фу-ну.

— Ну как, старина, лучше тебе? За эти два года ты хлебнул трудностей! — начал разговор дядя Чжан.

— Да, брат, если бы сегодня из твоего кооператива не помогли... — смущённо проговорил отец, но мама перебила его: «Мы все очень, очень благодарны вам, брат Чжан! Садитесь, пожалуйста!»

— Я сяду и даже говорить буду. Хорошо ли, плохо ли, но о крестьянских делах поговорить надо, и сейчас.

Пока мама кипятила чай, Чжан Фу-ну присел на кровать к папе и о чём-то быстро, но тихо заговорил. Я вылез из-под одеяла, напряг слух, но, как ни старался, ничего услышать толком не смог — говорили они тихо, да ещё дождь стучал по крыше и мешал слушать.

Не знаю, сколько прошло времени. Я заснул. Проснулся я от того, что кто-то задел мою кровать. До меня донеслись слова дяди Чжана: «Ну, до свиданья, отдыхайте!» В ответ папа заговорил: «Да-а, нет худа без добра. Если бы не болезнь... Я слушаю тебя, брат Чжан. Я за один день понял всё то, чего не понимал два года... Как соберём урожай, так я сразу же вступлю в кооператив — сейчас неловко с пустыми руками...»

— Ну, а мы, старина, я думаю, освободим твою хозяйку от тяжёлой работы, нужно дать ей отдохнуть. После уборки урожая мы праздник

сделаем. Если ты в это время вступать будешь, — для нас и для тебя он двойным праздником будет! — со своей неизменной улыбкой говорил Чжан Фу-ну, выходя уже за порог.

— Единоличник, как мышь в норе. Это правильно сказал брат Чжан, — задумчиво вымолвил отец, обращаясь к маме.

— А ты отдохни дня два, приди в себя, — донёсся из противоположного угла комнаты мамин голос. — Мы с Сяо-ланем вдвоём поработаем, всё уберём, и я пойду в правление и запишусь за тебя. Раз решили, то нечего откладывать на потом.

От радости мне было не до сна. Какой тут сон! Я вскочил и быстро натянул на себя одежду. Под удивлённым взглядом родителей я выскочил на улицу. Я торопился поделиться новостью с ребятами, с вожатым... Мне хотелось, чтобы все знали и все радовались вместе со мной.

Дождь стихал. Ветер разорвал ставшие тонкими тучи, и из просветов выглядывала молодая луна, похожая на кусочек серебра. В воздухе носились летучие мыши. Мне казалось, что они тоже радуются и весело танцуют, потому что и до них дошла весть о нашем счастье...

Китайские пословицы и поговорки

Легко защититься от копья, которое видишь, но трудно спастись от тайной стрелы.

***

Собирать понемногу — будет много.

***

От большого дерева большая тень.

***

Огонь не завернуть в бумагу.

***

Не ищи костей в курином яйце.

***

Самая высокая гора не может заслонить солнца.

Слоновые бивни не растут в собачьей пасти.

***

План на год составляй весной, планы на день — утром.

***

Хворост, заготовленный за один день, сожжёшь за один день.

***

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

***

Не бойся труда, бойся болтовни.

***

Работая в поле, не бойся навоза.

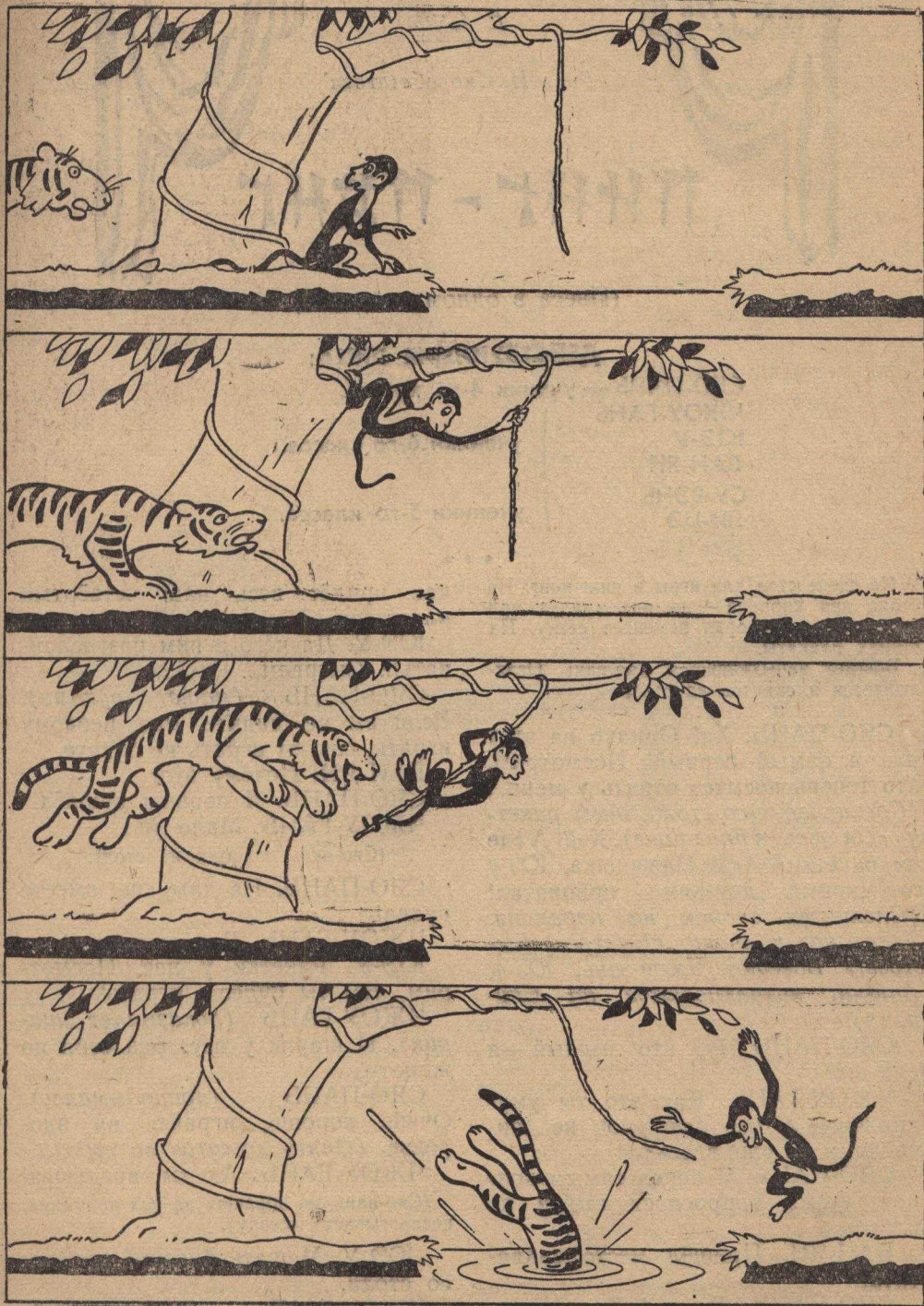
***

Самая высокая башня начинается у земли.

Перехитрила

(Рассказ в рисунках К. Бекташева по мотивам
китайских весёлых картинок)

Е Суй

Рис. И. Скоробогатова

(Пьеса в одном действии)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

СЯО-ПАНЬ — ученик 4-го класса.

ЧЖОУ-ГАНЬ

ЮЭ-У

ВАН-ЯН

СУ-ВЭНЬ

ЛИ-ЦЭ

} ученики 6-го класса.

} ученики 5-го класса.

* * *

На сцене стол для игры в пинг-понг. На столе два кирпича — на них кладут при игре планку, которая заменяет сетку. На стенах плакаты.

Вбегает запыхавшийся Сяо-пань. Оглядывается и садится на стол.

СЯО-ПАНЬ. Ха! Однако на этот раз я самый первый! Посмотрим, кто теперь посмеет отнять у меня... (Соскакивает со стола, ищет ракетку для игры в пинг-понг). Хэй! А где же ракетки? Ага! Наверняка. Юэ-у со своими друзьями припрятал! (Слышится звонок на перемену. Топот ног и крики: «Быстрее! Быстрее!» Вбегают Чжоу-гань, Юэ-у, Ван-ян, наталкиваются на Сяо-паня).

СЯО-ПАНЬ. Ну, кто первый — я или вы?

ЧЖОУ-ГАНЬ. Как это ты умудрился, — у вас ещё урок не кончился, а ты уже здесь?

СЯО-ПАНЬ. Я перед самым концом урока попросился быть из класса.

ВАН-ЯН. Пришёл место захватить?

СЯО-ПАНЬ. Да, да! Вы, шестиклассники, не беспокойтесь. Сей-

час придёт весь наш четвёртый класс.

ЮЭ-У. Да чего с ним разговаривать!.. Сыграем...

СЯО-ПАНЬ (машет руками). Если вы не дадите мне первому играть, совсем играть не будете.

ВАН-ЯН. Почему это?

СЯО-ПАНЬ. Я первым пришёл.

ЧЖОУ-ГАНЬ. Мало ли...

(Сяо-пань ложится на стол).

СЯО-ПАНЬ. Не дам, не имеете права!

ЧЖОУ-ГАНЬ. Вот вреднюга!

ЮЭ-У. Ракетки у нас. Посмотрим, чем ты будешь играть!

ЧЖОУ-ГАНЬ (показывает шарик). И шарик у нас. Бей себя по животу.

СЯО-ПАНЬ (приподымаясь). Очень хорошо, играйте на здоровье. (Опять ложится на стол).

ЧЖОУ-ГАНЬ. Ах ты, вреднюга!

(Сяо-пань, не обращая на них внимания, насвистывает песенку).

ЮЭ-У. Мешать будешь, стащим со стола.

ЧЖОУ-ГАНЬ (угрожающе). Уйди!

СЯО-ПАНЬ (*садится*). Вы, шестиклассники, сами говорили: «Кто первый придёт, тот будет первым играть. Опоздал — последним». (*Снова ложится на стол. Чжоу-гань и Юэ-у хватают его за ногу*). Тащат. Сяо-пань хватается за край стола).

ЧЖОУ-ГАНЬ и ЮЭ-У. Не слезешь! Не слезешь!

СЯО-ПАНЬ (*орёт во всю глотку*). Человека убивают!

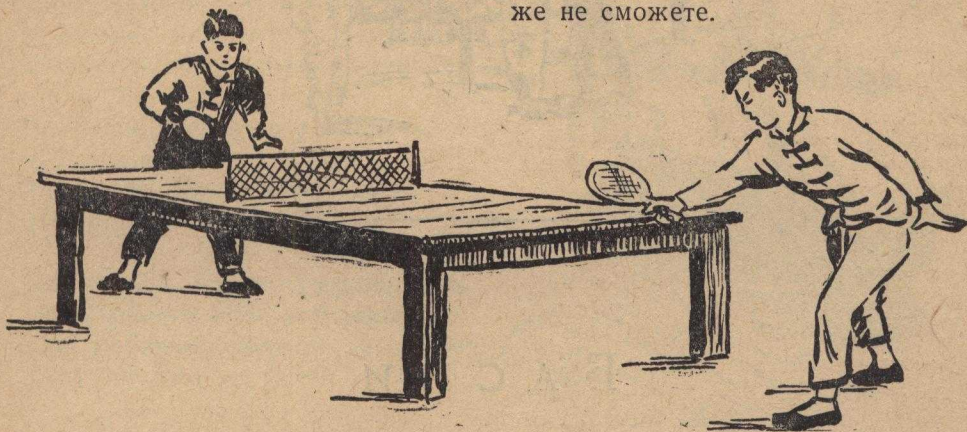
ВАН-ЯН (*отталкивает друзей*). Бросьте вы его!

ЧЖОУ-ГАНЬ и ЮЭ-У. Вреднюга!

ВАН-ЯН (*приветливо*). Дай нам поиграть, а ты будешь потом.

СЯО-ПАНЬ (*садится*). Нет! Нет! Нет! Я пришёл первым, буду первым.

ВАН-ЯН. Если будешь упрямиться, они начнут тебя бить по-настоящему, я уже заступаться не буду.

СЯО-ПАНЬ (*укладывается поудобнее на столе*). Не дам! Посмотрим, как вы меня прогоните?

ЧЖОУ-ГАНЬ и ЮЭ-У (*опять хватают его за ноги и стаскивают со стола*). Вот так!

СЯО-ПАНЬ (*плачет. Трёт якобы ушибленные места*). Хорошо! Избили меня? Пошли. Пошли к учителю...

ЧЖОУ-ГАНЬ и ЮЭ-У. Вот вреднюга!

ЧЖОУ-ГАНЬ. Тебе надо к учителю? Вот и иди.

СЯО-ПАНЬ. Ладно! Не идёте? Я пойду и всё расскажу.

(Шестиклассники готовят стол для игры).

ЮЭ-У. Давай, давай! А мы будем играть.

(Сяо-пань уходит. Юэ-у даёт одну ракетку Ван-яну, другую берёт сам).

ЧЖОУ-ГАНЬ. Здорово! Хорошие друзья! Я должен раньше вас сыграть.

ЮЭ-У. Чего? Ты тоже стал вреднюгой?

ЧЖОУ-ГАНЬ. Нет, я добрый. Играйте... (*Прячет шарик в карман*).

ЮЭ-У и ВАН-ЯН. Дай шарик!

ЧЖОУ-ГАНЬ. Одну ракетку мне! (*Протягивает руку*).

ЮЭ-У. Так мы их раньше тебя взяли...

ЧЖОУ-ГАНЬ. А я шарик взял...

ВАН-ЯН. Ты с ним одним играть не сможешь.

ЧЖОУ-ГАНЬ. И вы без него тоже не сможете.

ВАН-ЯН (*отдаёт ему две ракетки*). На, играй один.

(Входят Су-вэнь и Ли-цэ).

СУ-ВЭНЬ и ЛИ-ЦЭ. Отдайте нам...

(Шестиклассники не обращают на них внимания).

СУ-ВЭНЬ. Почему вы стоите?

ЛИ-ЦЭ. Не мешайте тогда другим.

ВАН-ЯН. У вас есть шарик?

ЛИ-ЦЭ. Есть. Ракетка тоже есть.

ВАН-ЯН (*обращается к Чжоу-ганю*). Не дашь, мы уступим место другим.

ЧЖОУ-ГАНЬ. Так вам и надо.

СУ-ВЭНЬ и ЛИ-ЦЭ. Не тратьте зря времени.

(Пятиклассники становятся для игры в пинг-понг с двух сторон стола).

ЮЭ-У (отталкивает Су-вэня). Разбежались... После нас будете играть!

СУ-ВЭНЬ. Да кто вам не даёт? Ли-цэ, отдай им шарик.

(В это время из-за кулис доносится голос учителя: «Кто тебя обидел?» Ему отвечает Сяо-пань: «ЮЭ-у и Чжоу-гань из шестого класса»).

ВАН-ЯН. Учитель идёт, бежим отсюда!

(Шестиклассники убегают. Вбегает Сяо-пань).

СЯО-ПАНЬ. Где вы? Вас учитель зовёт!

СУ-ВЭНЬ и ЛИ-ЦЭ. Они ушли.

СЯО-ПАНЬ. Удрали... Отлично!

Ну-ка, давайте сюда шарик.

СУ-ВЭНЬ. Вот это да! Он наш.

СЯО-ПАНЬ. Нет, школьный!

ЛИ-ЦЭ. Да, школьный, но не твой лично.

СЯО-ПАНЬ. Значит, общественный. Значит, и моя доля в нём есть. (Забирается на стол. Звенит звонок).

СУ-ВЭНЬ и ЛИ-ЦЭ. Уже звонок. Пошли! (Уходят).

СЯО-ПАНЬ (разводит руками).

Ну вот, все наигрались!

ЗАНАВЕС

Б А С Н И

КОЛОДЕЦ

У обочины большой дороги кто-то вырыл колодец. Прежде здесь никогда не было колодца, и проходящие, испытывая жажду, не могли нигде достать воды. Как стало удобно, когда появился колодец!

Все в один голос говорили: «До чего умён тот, кто именно на этом месте вырыл колодец!»

Прошло некоторое время, и как-то ночью один из прохожих, не заметив колодца, провалился в него.

Тогда многие стали говорить так: «До чего же глуп был тот человек, который вырыл колодец! Не мог, что ли, найти другого места!»

БОЛЬШАЯ КОРОВА

Один говорит другому: «У меня дома есть такой большой барабан, что если в него ударить, то за тысячу ли повсюду будет слышно».

«А у меня дома есть такая большая корова, — в ответ говорит второй, — что голова её, когда она пьёт, в устье реки, а хвост у истока».

«Я не верю, — рассмеялся первый, — таких больших коров не бывает!»

«Если не бывает таких коров, то откуда же берётся кожа для таких барабанов, как у тебя?» — возразил второй.

САМОЛЁТ

В этом доме сладко спится детям,
А над крышей кружит самолёт.
Кто же правит самолётом этим?
Кто Отчизны небо бережёт?

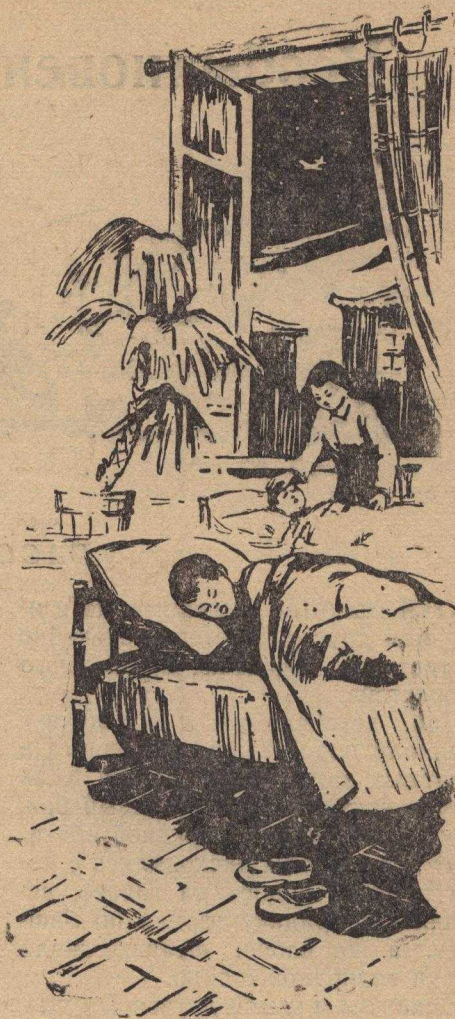
Над землёю темнота густая,
Самолёта не отыщет взор.
Мимо наших окон пролетая,
Верно, лётчик приглушил мотор.

В небесах Пекина он, как дома.
Там, в просторах Родины, ему
Каждая тропиночка знакома,
Как дорога к дому своему.

И пилоту с высоты заметен
Даже слабый свет в моём окне,
И с небес желает лётчик детям
Снов спокойных в мирной тишине.

Знает он, устали за день дети,
До утра сковал их крепкий сон.
Тихо-тихо, как весенний ветер,
Над домами пролетает он.

Новый день встаёт на смену ночи,
Над Пекином небо всё светлей.
Сон ребячий охраняет лётчик —
Будущее Родины своей.

Китайские пословицы и поговорки

У мудрого длинные уши и короткий язык.

***

Не бойся медленного движения вперёд, бойся остановок.

***

Всё потерянное, кроме времени, можно найти.

***

Чтобы стать учёным, нужны годы, чтобы стать ленивым, достаточно и одного дня.

Не бойся критики, но бойся чрезмерных похвал.

***

Учение, как пища: будешь есть — будет польза, будешь смотреть — пользы никакой не будет.

***

Мудрый смело исправляет свои ошибки, а глупый боится даже признать недостатки.

Необыкновенная рыбалка

РАССКАЗ

ХОТЯ мы были соседями, но я и мои друзья не могли спокойно смотреть на этого Лю, прозванного «Коростой».

При встречах мы и его друзья начинали подозревать друг друга в коварных замыслах, и всегда из-за чепухи возникал ожесточённый бой. Каждый раз после очередной «баталии» обе стороны расходились с новой партией шишек на голове, некоторые в придачу теряли по башмаку, а на наших штанах зияли дырки величиной с окно.

Однажды я и мои друзья Ли-мин, Хуан-син и Сяо-ван договорились с вечера и встретились под старыми ивами на берегу пруда. Было ясное воскресное утро. Земля ещё спала, укутанная туманом.

Мы расселись вдоль берега и молча стали ловить рыбу.

Туман постепенно рассеивался... Весёлые лучи солнца заставили нас ещё ниже опустить головы. Нам было стыдно: прийти, когда ещё спали птицы, потратить полбанки приманки и не поймать ни одной рыбёшки!.. Такое случилось с нами впервые.

Как медленно тянется время! Какая же это рыба водит нас за нос?

Мы закинули удочки, и когда поплавки опять дрогнули, мы осторожно повели крючки на мель.

Вот в чёрной воде показались беленькие комочки теста на крючках... И мы обнаружили наших мучителей. Это была такая мелюзга, что дай её на завтрак кошке, она бы заплакала от огорчения. Хвост каждой рыбёшки, казалось, торчал прямо из головы, и если что-нибудь и было у них, так это глаза, большие и красные.

Когда мы уходили на рыбалку, каждый из нас обещал принести домой много рыбы... Часто наши обещания не выполнялись, и нас за это незаслуженно ругали.

И вот нас опять будут ругать из-за каких-то малявок!

— Их надо обязательно наказать, чтоб другим было неповадно, — решили мы единогласно.

— У меня дома есть острога! — крикнул первым Сяо-ван.

— Это не выход! — ответили мы трое в один голос. Но Ли-мин с жаром стал доказывать: «Я этой острогой бил раков...»

— Раков! Неужели ты не видишь, что любая малявка меньше хвоста

самого маленького рака? Зачем стрелять из пушек по воробьям?

Прошло полдня. Мы всё никак не могли ничего придумать. Сяо-ван не выдержал и полез в воду. Наши мучители сразу метнулись к середине пруда...

— Кто тебе разрешил пугать их? — закричали все на него. — Посмотри, от мелюзги не осталось даже тени!

— А чего с ними нянчиться! — начал оправдываться Сяо-ван. И тут Хуан-син, по прозвищу «Мудрец», радостно закричал: «Я придумал! Придумал!»

Мы с надеждой посмотрели на него: неужели его осенила настоящая идея?

Хуан-син, отчаянно жестикулируя, стал объяснять нам свой план. Представьте себе, его план действительно был дельным. Правда, нам пришлось кое за чем сбегать домой. Мы, стараясь не попадаться на глаза взрослым, запаслись необходимыми «инструментами» и опять вернулись к пруду.

Я принёс верёвку, Сяо-ван — комок каши, Хуан-син — кирпич, а Ли-мин — старую корзинку. Мы привязали верёвку к её ручке, кашу и кирпич положили на дно...

— Тун! — послышался всплеск воды, и корзина пошла ко дну.

Наши враги исчезли бесследно. Неужели они испугались и не вернутся?

Первой появилась маленькая-маленькая рыбёшка. Можно было подумать, что это вражеский разведчик пришёл выяснить обстановку. Она поплавала над корзинкой и вдруг нырнула в неё. За ней стали подплывать её старшие братья и сёстры.

Они без особого приглашения накиннулись на кашу. Вмиг дно корзинки покрылось мелюзгой.

— Хай! — крикнули мы со злостью и вытащили корзинку на берег. В ней билась рыбёшка. Правосудие восторжествовало! «Добычу» решено было бросить «на растерзание» кошкам. Мы разделили наш улов

на три кучки, а чтоб об этой казни узнала другая мелюзга, мы выбрали самых больших мальков, нацепили их на крючки и бросили в воду: «Пускай идут и расскажут, как связываться с настоящими рыбаками!»

Наказав преступников, мы с радостью побежали по домам. После обеда я, Лин-мин, Хуан-син и Сяо-ван опять собрались вместе и пошли назад к пруду за удочками.

Мартовское солнце припекало. Мы расстегнули куртки и выпятили животы. Старые ивы стояли на месте, но наших удочек на берегу не оказалось. Они плавали посредине пруда.

Без слов стало ясно, что здесь побывал «Короста» со своими друзьями.

Мы не могли сдержать гнев. Кулаки зачесались.

Мы стали готовиться к войне, и вскоре наши карманы были набиты камнями, а в руках для ближнего боя было по палке. Чтоб во время атаки не потерять туфли, их привязали к ногам лианами. Вооружившись, мы смело пошли к дому «Коросты».

Ли-мин заглянул во двор. Ни души. Видно, «Короста», опасаясь мести, ушёл с матерью к дяде в гости.

— Пошли! — закричал я.

На крышу дома врага посыпался град камней. — Мяу! — заорали с перепугу две кошки, которые грелись на солнышке. По двору с криком забегали куры, а два петуха даже вылетели на улицу и понеслись, махая крыльями, к роще.

Когда кончились камни, я остановился.

— Что же делать дальше? Поджечь дом?

На это мои друзья не решились.

— Ага! — радостно воскликнул я. — Мы можем сегодня показать всему миру свои способности в рисовании...

Каждому досталось по двери. Ли-мин сразу же нарисовал мелом

свинью, Хуан-син — чёрта с рогами, Сяо-ван долго думал и намалевал трёхрукого человека. Это был намёк на «Коросту» — нормальному человеку нужно только две руки, а такому жулику, как он, необходима и третья. Долше всех испытывал муки творчества я. И я создал шедевр живописи — черепаху с лицом человека.

Оставаться дальше в чужом дворе опасно, и мы, озираясь по сторонам, скрылись вслед за петухами в роще.

Вода в пруду была ледяная. У нас от холода задрожали ноги. Первым дотянулся до удочки Ли-мин.

— Ай, ай! — вскрикнул он. — К моей удочке привязали какой-то груз...

— И! — с удивлением подхватил Хуан-син. — У меня кто-то за удочку дёргает!..

В это время кто-то дёрнул и мою удочку. У меня сердце ушло в пятки, я онемел от неожиданности, но, к счастью, удержал свою удочку в руках. — Неужели водяной?

И в тот же момент слышался звук рвущейся лески Сяо-вана.

— Рыба! Рыба ушла!

Да, это было действительно так. У каждого на крючке билось по большой рыбине.

Повозиться с ними пришлось долго, но, когда они оказались на берегу, мы запрыгали от радости.

Мы щупали их, взвешивали на руках и никак не могли определить их породу. Когда вытащили у них изо рта наши крючки, всем стало ясно — хищницы попались на мальков, а так как нас не было поблизости, они и смогли утащить удочки в воду.

Всё это было, конечно, хорошо, но тут мы вспомнили про штурм дома нашего врага, и настроение у всех сразу испортилось.

Он, оказывается, был совершенно ни при чём во всей этой истории. Кроме того, уже наступал вечер, и где-то рядом с нами блуждали его петухи. Ещё час — и для птицы наступит время сна, и бедные петухи легко смогут стать добычей хорька...

Долго мы бродили по роше и кричали до хрипоты: «Ко-ко-ко!» Осока до крови порезала нам ноги, но мы не обращали внимания на такую мелочь. Полусонных петухов мы обнаружили на той стороне пруда.

Когда мы загнали их обратно во двор, я оторвал от своей рубашки рукав и стал стирать с двери черепашку. Мои друзья тоже не были дураками...

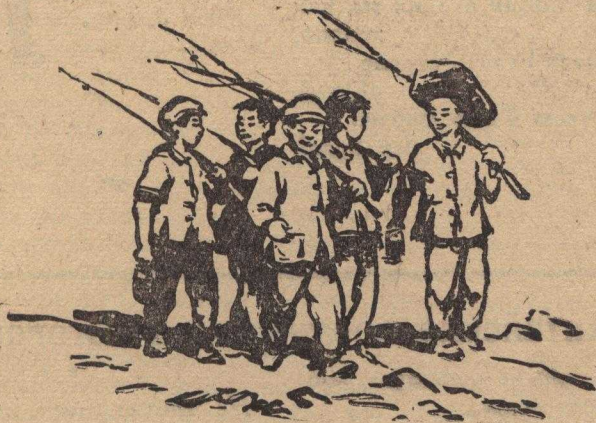
Уничтожив следы своего нашествия, мы, усталые и голодные, направились к воротам, но тут же замерли на месте. Из-за забора донеслись женские голоса. Пока мы метались по двору, в ворота вошёл «Короста» со своими приятелями.

Наши враги при виде нас оторопели от неожиданности, потом стали засучивать рукава... Спасибо матери «Коросты»! Если бы не она, представляю, что с нами сделали бы!

Пришлось нам всё-всё рассказать и попросить прощения.

Выслушали нас с недоверием, и только когда мы показали пойманную рыбу, поверили и отпустили по домам.

С этого дня с «Коростой» был заключён вечный мир, и мы даже теперь вместе ходим на рыбалку.

В парке Бэйхай

Ребятам этим лишь по десять лет,
Их детства дни безоблачны и яркие.
Им хорошо, встречая солнца свет,
Среди друзей гулять в весеннем парке.

Ждут пионеров лодки у пруда,
Качели ждут. А старший друг —
вожатый

Расскажет им, что в давние года
Имели право заходить сюда
Лишь только те, кто знатны и
богаты.

А вот ребята встретили бойца,
Он строг и прям, хотя собой
не молод.

За вас, друзья, он бился до конца:
Пустой рукав булавкою заколот...

Запомни, друг, отец сражался твой,
Чтоб в парк Бэйхай входил ты, как
хозяин,

Так будь готов отдать стране
родной
Всю жизнь твою и всю любовь
без края!

Китайские пословицы и поговорки

Море никогда не чувствует, что
в нём много воды.

***

Не теряй напрасно времени в
молодости — в старости его
останется всегда очень мало.

***

Умный человек говорит своими
делами, глупый болтает языком.

***

Не так страшен лев, которого
видишь, как опасен тигр, кото-
рый спрятался.

***

Не ищи клад только там, где
светло.

***

Никогда не думай, что солнце
светит только тебе одному.

Пчёлы

МАЛЕНЬКИЙ Чэн выкупался в речке и, размахивая мокрыми трусиками, побежал через кооперативную усадьбу домой. Миновав небольшую полянку, он вдруг остановился как вкопанный: впереди тянулся ряд аккуратных белых ящичков.

Чэн раньше никогда не был в деревне. Во-первых, он ещё маленький, а во-вторых, папин брат только недавно сюда переехал и пригласил его на каникулы. Чэн заслужил это приглашение успешным переходом во второй класс...

Мальчик стоял и думал: «Что бы это могло быть?» Тут он увидел несколько пчёл, с жужжаньем пролетевших мимо него в направлении к ящикам. «А-а-а! Так это ульи!» — радостно заключил он, припоминая рассказ учителя о пчёлах.

Подойдя поближе, Чэн стал внимательно рассматривать ульи. «И ничего-то сложного нет; несколько дощечек, узенькая прорезь, — думал он. — Приду домой

и сам сделаю такой. Пчёлы мёд дают, а я сладкое люблю, вот наемся вдоволь!» Чэн опустился на колени перед одним из ульев и пристально разглядывал пчёл, копошившихся у входа.

«Да, ящик сделать-то сделаю, а где пчёл достать?.. Взять отсюда — заметят взрослые и попадёт... Что же делать? Что же делать?.. Нашёл! — при этом он даже вскочил с колен. — Пойду в лес и там поймаю! Только не ошибиться бы, не спутать бы с осами, а то потом такое получится!»

И мальчик стал пристально вглядываться в каждую прилетавшую пчелу. «Нет, не перепутаю, — про себя решил он, — у пчёл лапки в пыльце и на брюшке жёлтые полосочки».

В это время его внимание привлекла большая муха, которая села на маленькую ступеньку у входа в улей. Не успела она сложить крылья, как из ящика одна за другой выскочили сердито жужжащие пчёлы и набросились на непрошеную гостью. Миг — и муха, пронзённая десятком жал, упала на траву. Это было очень любопытно.

А тем временем пчёлы летали туда и обратно, выползали в улей с ножками, облепленными пыльцой, а выползали чистенькие, как после купания. Чэн долго наблюдал и обратил внимание, что одна из планок ящика может отодвигаться. Он осторожно потянул её, и его взору открылась сказочная картина: сотни, а может, и целая тысяча пчёл, медленно поворачиваясь вокруг какой-то сеточки, быстро махали крыльями. Чэн вначале не мог понять, в чём дело, а потом догадался: в улье всего одна небольшая щель и нет никаких окон, а на улице жарко. Пчёлам в ящике душно, но у них есть свои веера, вот они и делают прохладный ветерок. «Я в своём улье сделаю окошки, чтоб всегда воздух свежий был», — решил мальчик.

И тут случилось самое страшное, что могло произойти. Чэн не утерпел

и дотронулся мизинцем до маленькой капельки мёда — так ему захотелось попробовать, вкусный ли он... Не успел мальчик поднести палец ко рту, как из отверстия в улье вылетела туча сердитых пчёл и окутала похитителя мёда. Испуганный Чэн, размахивая мокрыми трусиками, опрометью бросился бежать, но пчёлы не отставали от него ни на сантиметр и всё порывались ужалить в лицо. «Только бы успеть до дому, — испуганно стучало сердечко

малыша, — только бы успеть!..» А ноги, как назло, двигались всё медленней и медленней. Ничего не замечая на своём пути, Чэн мчался к кооперативному саду, не вбежал, а влетел в него и кубарем покатился, ударившись о какую-то штуку. Хорошо, что пчёлы не успели наброситься. Мальчик вскочил, и... тут его взгляд упал на перевернутую большую корзину для яблок. Он и споткнулся-то, видно, о неё.

Чэн мгновенно бросился к корзине и спрятался под ней — через едва заметные отверстия в плетёнке не только пчеле, но и комару не протиснуться. Пчёлы покружились, пожужжали и улетели. Чэн облегчённо вздохнул: теперь можно выбираться из укрытия и спокойно идти домой.

Мальчик приподнял край корзины, высунул голову, но сразу же спрятал её обратно — прямо на него, сердито оскалив зубы, мчался огромный пёс.

Собака подскочила к корзине и злобно зарычала. «Пёсик! Пёсик!» — ласково позвал Чэн. Но в ответ услышал оглушительный лай. Мальчик притаился. Собака порычала немного и улеглась рядом с корзиной. Чэн ясно слышал, как пёс дышал и как билось его сердце. «А что если поползти с корзиной, — придумал мальчик, — собаке не укусить, а я потихоньку выберусь отсюда». Только корзина зашевелилась, как пёс вскочил и злобно залаял: он ещё не видел, чтобы корзины сами ходили! Хотя Чэн и притаился опять, но теперь пёс не ложился, а всё время лаял и бросался на корзину. Чэн крепко вцепился в стенки своего убежища, боясь, что от наскоков собаки корзина перевернётся.

— Что с тобой, Хэйгоу? Перестань! — раздался вдруг дребезжащий голос. — Никого же здесь нет!

Услышав это, пёс стал лаять ещё ожесточённое. Чэн почувствовал приближавшиеся шаги. «Ну что ты разлаялся, Хэйгоу? — ласково спросил голос около корзины».

— Дядя, дядя, помогите! — пропищал Чэн.

— Кто там? — удивлённо спросил голос.

— Дядя, я в корзине! Спасите! Я собаки боюсь! — продолжал пищать Чэн.

— Ну, вылезай сейчас же! — последовал сердитый приказ, и кто-то перевернул корзину.

Яркий свет ослепил мальчика, он зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел дедушку Чжоу — сторожа сада. Он стоял, опираясь на лопату,

сердито разглядывая мальчика. Рядом виляла хвостом большая чёрная собака. Она тоже смотрела на мальчика, но не лаяла, не ворчала, а только шевелила ушами, словно хотела сказать: «Вон ведь какие чудеса бывают! Мальчики под корзины залезают, и для чего?»

— Так. Значит, за яблоками приходил? — сердито спросил дядя Чжоу.

— Нет, дедушка, я только так, собаки испугался, я за яблоками не собирался... — бормотал Чэн.

— Все вы не собираетесь, когда вас поймают! Что ж тогда ты здесь делал? — грустно покачивая головой, продолжал спрашивать сторож.

— Я купался.

— В яблоках?! — рассмеялся дядя Чжоу. — Хорошие мальчики купаться на речку ходят!

— Я на речке был! Я, дядя, потом сюда пришёл!

— Ну тогда всё понятно, — заключил сторож. — Покупался, яблок захотел, сюда пришёл, да вот мой помощник тебя и встретил!

— Нет, правда, дядя, — уже всхлипывая, оправдывался Чэн, — я не за яблоками, я спасался...

— Не от моего ли Хэйгоу?

— От пчёл я-я-а-а, — заплакал мальчик.

— Да ты не реви, я тебя не съем. Ты мне лучше по порядку всё выложи.

— Я... я... я пчёл-о-ол смотрел, а-а-а о-они на меня, — выдавил из себя Чэн. — Я дома улей хоте-е-ел сделать, — то плача, то успокаиваясь, бормотал мальчик. Сторож молча смотрел на малыша. Тут его взгляд упал на мокрые трусики, он нагнулся, посмотрел на них и заговорил: «Эх, малыш, малыш! Да разве можно таким нехорошим быть? Посмотри, сколько пчёл ты погубил! Все трусики твои в пчелиных жалах, а пчела, когда ужалит, то гибнет сразу. А ты знаешь, как трудно пчёл-то разводить?»

— Не-е-т, — теперь уже навзрыд заплакал Чэн. Ему было очень неприятно — не успел к дяде в гости приехать, как кучу бед натворил.

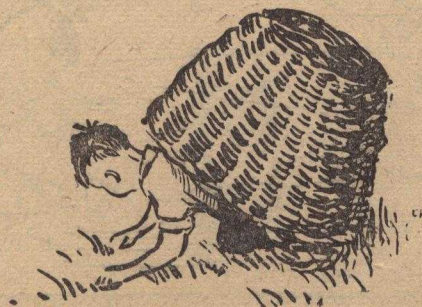
— Коль так горько плачешь, видать, правду говоришь, — уже спокойно и даже чуть ласково проговорил дед. Чэн молчал.

— Ну вот что, дорогой... Как зовут тебя, кстати? — обратился к мальчику сторож.

— Чэ-э-эн.

— Ну вот что, Чэн. Теперь я тебя знаю. Это ты, значит, приехал к нам на каникулы. Слышал я от твоего дяди, а свидеться вон как довелось. Давай так сделаем: ты смастеришь улей, я помогу тебе в лесу пчёл поймать. Улей мы поставим рядом с кооперативными. Ты за своими пчёлами следить будешь и мне помогать присматривать за общественными, но без спроса сам ничего делать не будешь. Идёт?

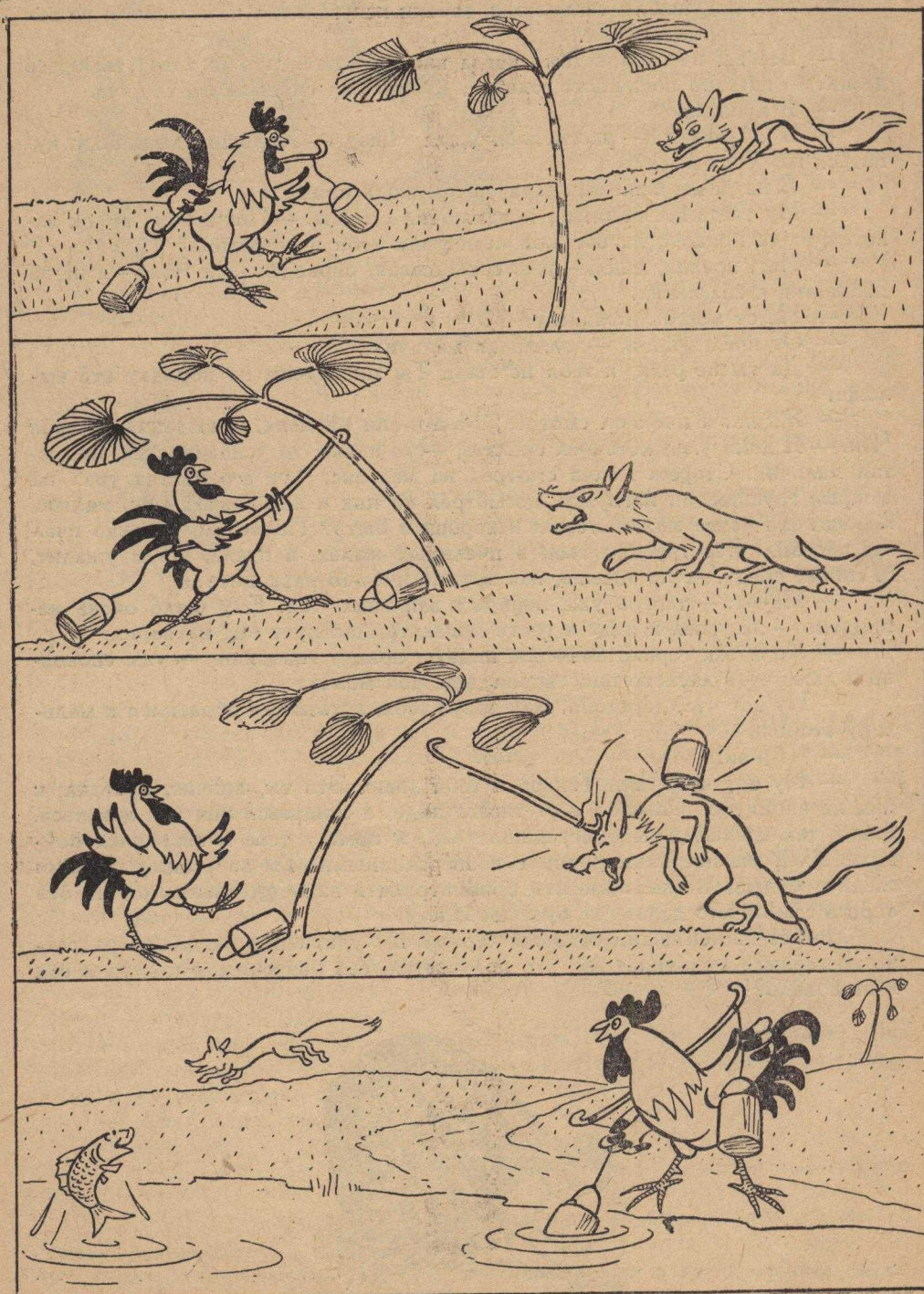
Ничего не понявший большой чёрный пёс удивлённо глядел на радостно убежавшего мальчика: как это получается, без разрешения пролез в сад и не попало?!

Находчивый петух

(Рассказ в рисунках К. Бекташева по мотивам китайских весёлых картинок)

— СЯО-ТЯНЬ! Сяо-тянь! — услышал я во время ужина и сразу догадался, что это меня зовёт мой лучший друг Сяо-вэнь, такой же, как и я, ярый голубятник.

«Может быть, он достал хорошего голубя?» — подумал я, отодвинул от себя миску с лапшой и выскочил во двор.

Не успел я и рта раскрыть, как Сяо-вэнь схватил меня за шею и зашептал мне в самое ухо: «Ты бы знал, что я хочу тебе рассказать!» Я без звука приготовился слушать, но он, чтобы подразнить меня, замолчал. Тогда я наклонился к нему: «Ну, говори же быстрее!»

— Каких я сегодня видел голубей! Красивые. — жуть! Двух совсем-совсем белых и одного чёрного, старика... Беляки ходят, воркуют... Вот бы тебе поймать одного да составить пару с белой голубкой! На следующий год у нас беляков была бы целая стая...

Услышав эту новость, я страшно обрадовался, даже запрыгал от радости. Вот уже целый год я мечтал об этом, и, наконец, моя мечта могла осуществиться.

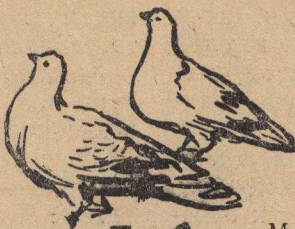
— Когда они прилетают? — стал расспрашивать я. — Где кормятся?

Но Сяо-вэнь опять замолчал. Я теребил его, упрасивал, и вдруг он заявил: «Подожди до завтра... Завтра я тебе всё расскажу...»

Это я-то ещё должен был мучиться до завтра! Не успел Сяо-вэнь глазом моргнуть, как он уже лежал на земле, а я сидел на нём верхом.

— Не скажешь? Тогда сейчас же разрою землю и заставлю тебя есть корешки.

Сяо-вэнь был моим старым другом. Мы не первый раз

Чужой голуб

сталкивались с ним на деловой почве, поэтому он не стал долго ломаться и выложил всё до конца: голуби прилетали в полдень к храму Юйхуан.

Мы сходили на разведку, изучили местность, обсудили план действий и разошлись по домам.

К сожалению, на другой день Сяо-вэнь был занят дома, и мне предстояло действовать одному, как говорится, «на единственной лошади, с единственной саблей». С вечера я приготовил бамбуковую ловушку, напоминающую капкан, и лёг спать. Мне даже сон приснился про голубей. Вроде я сделал всё, как надо, и голуби стали клевать мою приманку... Но тут пришёл какой-то мальчишка, распугал птиц и, по закону голубятников, хотел отнять мою ловушку. Этого уж я стерпеть не мог, как дал ему... Он сразу закричал: «Мама!» Прибежала его мама. Тут я проснулся и очень обрадовался, что это всё случилось во сне.

На уроках я, конечно, не мог сидеть спокойно. Время тянулось медленно-медленно. А впереди ещё были послеобеденные занятия.

Это ещё целых два часа! *

Учителя я слушал одним ухом и ничего не понимал, о чём он говорил. Шёл урок истории. Чудно! Временами в голосе учителя мне слышались трубные крики голубей, но стоило прислушаться повнимательнее, как всё сразу пропадало.

* Занятия в китайских школах делятся на утренние и послеобеденные. Во время большой перемены, вёрнее, обеденного перерыва, многие школьники успевают сходить домой пообедать.

Потом меня стал мучить вопрос: «А вдруг я опоздал? Поймать-то голубя поймаю, а моя голубка не будет нести яйца... Мечта моя так и не осуществится». От этих мыслей я совсем расстроился и стал утешать сам себя: «Нет, ещё не поздно! Не поздно!»

Четвёртый урок подходил к концу. Я поставил ногу в проход между партами и приготовился к броску.

«Дан-дан-дан!» — зазвенел звонок. Наконец-то! Но у историка была плохая привычка — не сразу отпускать с урока. Меня так и подмывало крикнуть: «Закругляйтесь! Какое вы имеете право нарушать школьные правила!»

И как только учитель, наконец, произнёс: «Конец урока», я первым выскочил из класса и пустился бежать к храму сломя голову. В воротах я сунул руку в карман. «Так и есть! Забыл ловушку в парте!»

Я побежал обратно. Из школы выходили ребята. Я, рискуя сломать себе голову, врезался в толпу. Одна девчонка, Юй-эжень, даже упала от моего толчка. Она сразу закричала на меня. Я давно уже хотел поговорить с ней по душам за то, что она всегда ябедничает учителям, но сейчас мне было не до неё. Я прибежал в класс, незаметно сунул ловушку в карман и улизнул из школы.

Возле храма я ещё вчера нашёл хорошее место. Опыт у меня был большой, и я так всё сделал, что, если бы не сам ставил ловушку, ни за что бы не нашёл её. Кругом лежали почерневшие зёрна гаоляна. Можно было подумать, что они лежали тут всё лето.

Теперь время бежало, как ветер. Кое-кто из учеников, пообедав, уже возвращался в школу. А голубей всё не было. Я до боли в глазах смотрел в небо...

«Может быть, они уже никогда не вернутся сюда?» — подумал я с тревогой, но тут в небе показались четыре точки — это были голуби. Они сели далеко в стороне от ловушки.

Я встал. При виде меня голуби встрепенулись и собрались улетать.

Но я был тоже не дурак. Я стал медленно прохаживаться в стороне, то останавливался со скучающим видом, вроде даже и не замечая их, то садился на землю отдохнуть...

Каждый раз, отлетая от меня, голуби всё ближе и ближе садились возле приманки, и вот один беляк клюнул зерно гаоляна. Сердце моё замерло — неужели улетят?

Нет! Я сделал осторожно ещё несколько шагов. Переваливаясь на лапах, белоголовый голубь, предмет моих мечтаний, подошёл вплотную к деревянному капканчику.

И тут он вдруг, словно что-то почуввав, забеспокоился, поднял голову, крылья у него дрогнули...

Я, не чувствуя под собою ног, успешно отступил.

Белоголовый посмотрел мне вслед, сделал шаг...

Хлоп! — сработала ловушка. Голуби так и подпрыгнули на полметра, но одного из них крепко за лапу держала ловушка.

Я упал на него. Схватил его. Над моей головой вились три голубя. Они ждали своего товарища. Но вот они взмыли под самые облака, сделали несколько прощальных кругов и улетели.

У меня в руках был красавец! Глаза, клюв, лапки у него были красные, шейка белая, сам серый...

Времени оставалось мало. Конечно, домой я уже добежать не успею.

Когда я подошёл к классной двери, я тут только сообразил, что опоздал на урок. Я стал в щёлку наблюдать за учителем. Как только он повернулся к доске, я проскочил в класс и сел за парту. Теперь всё было в порядке. Учитель ничего не заметил. Вдруг Сяо-вэнь стал делать мне какие-то знаки. Я подумал, что он спрашивает меня о голубях, и кивнул ему головой: мол, не беспокойся, самый красивый голубь уже у меня в парте... Но тут другие ребята стали моргать мне. Что такое? Оказывается, учитель уже три раза называл моё имя, чтоб я ответил на какой-то его вопрос. Я встал. Весь класс покатывался со смеху.

— Повторите ещё раз. Я не рас-

слышал вашего вопроса, — сказал я в смущении.

И тут в довершение всего в классе послышалась голубиная воркотня. Белоголовый завопил в парте. Я слегка стукнул по парте, чтоб он замолчал, но он заворчал ещё сильнее и вдруг выскочил из парты, взмахнув крыльями.

Я кинулся ловить его, но было уже поздно. Голубь вылетел в открытое окно.

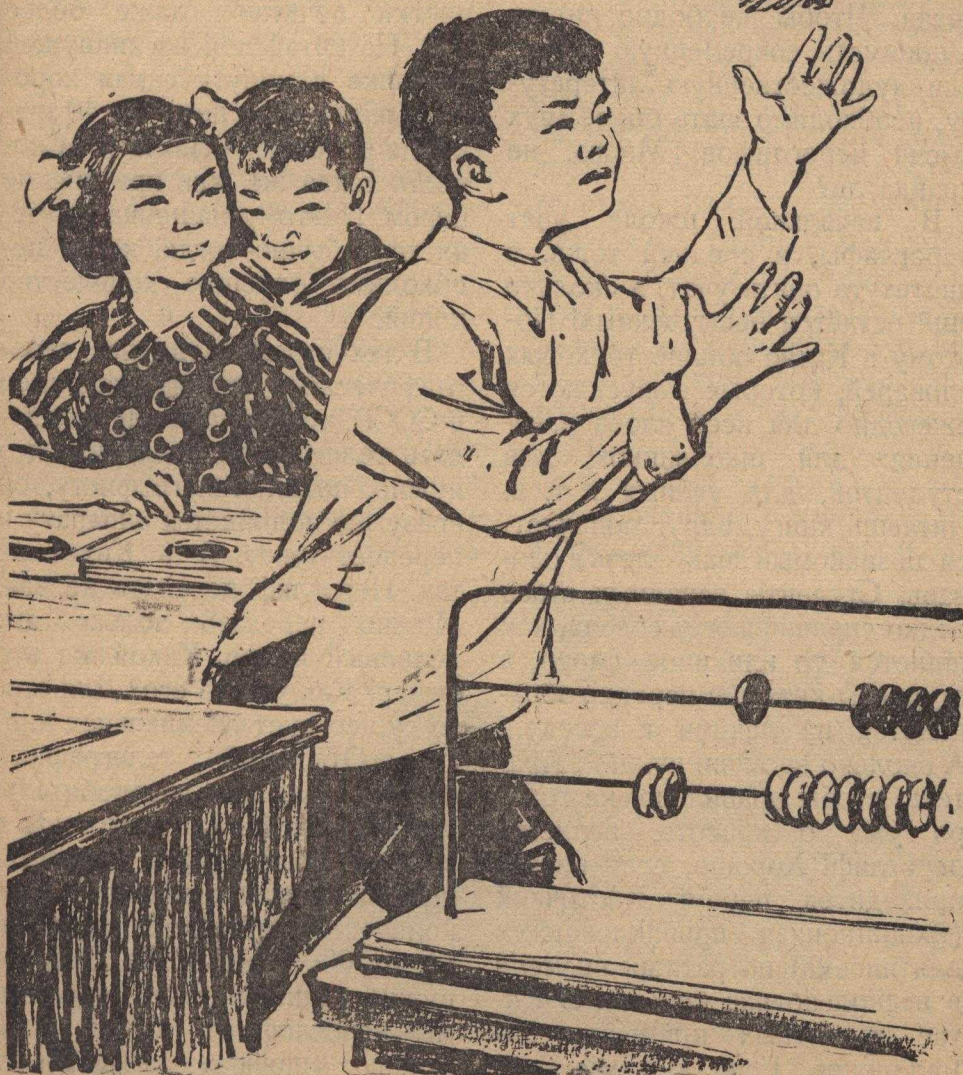
— Он моего голубя поймал! — вдруг закричал с соседней парты Чжэнь-цзи. Он жил возле храма Юйхуан и тоже водил голубей.

Урок был сорван. Меня окружила плотная стена ребят.

— Он моего голубя хотел украсть! — не унимался Чжэнь-цзи.

Так с неба я упал на землю.

— Это моя белоснежная голубка! — попытался оправдаться я, но мне никто не поверил.

Иероглифы и время

ПИСЬМЕННОСТЬ, которая в настоящее время существует в Китае, приводит к напрасной трате времени, денег и энергии. Почему? Да по очень простой причине. Письменность — то иероглифическая! А это значит, что каждому слову соответствует, как правило, один-два знака. Чтобы свободно читать и понимать современную газету или художественную литературу, необходимо знать более двух тысяч иероглифов. Много, не правда ли?

В начальной школе учат иероглифы, в средней тоже, в институте опять учат, а сколько ещё остаётся невыученных! Поэтому в Китае обилие толковых словарей, которые выпускаются ежегодно для всех слоёв населения: для школьников, для студентов, для учёных и т. д. Читаешь книгу, вдруг попадается незнакомый знак — лезь в словарь. Студенты западных стран редко спрашивают у соседа, как пишется то или иное слово, а студенты-китайцы нередко обращаются на лекции к соседу... А сколько времени нужно затратить, чтобы правильно, не говоря уже о красоте, написать иероглиф! Хорошо, если писать приходится пером! Кисточкой (традиционная принадлежность для письма) потратишь времени в несколько раз больше. В Китае грамотных примерно 100 миллионов. Если каждый еже-

дневно только одну минутку потратит напрасно, то в общем это составит более 190 лет! А сколько погибнет минут, когда грамотными будут все?!

На машинке с латинским или русским шрифтом в минуту можно напечатать от 120 до 250 знаков, а особенно хорошие машинистки печатают даже более 300. На китайской же пишущей машинке в минуту самая хорошая машинистка печатает 40 знаков, а рядовая — около 30. Скорость такая же, как при письме пером. Поэтому машинка применяется обычно тогда, когда необходимо большое количество копий.

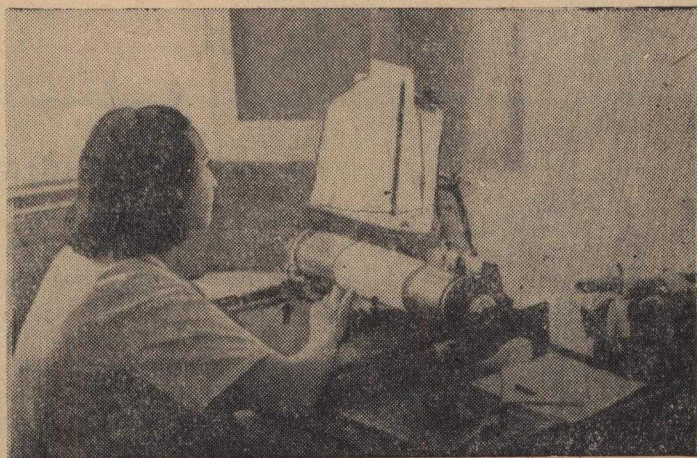
В тех странах, где нет иероглифического письма, например в СССР, чрезвычайно просто подать телеграмму: пиши всё, что нужно, подай телеграфисту, он сразу же подойдёт к аппарату и передаст текст. А в Китае не так. Иероглиф передать нельзя. Можно передать только его условный номер. Какой же это номер? Как узнать его? Для этого существует специальная книга «Открытый телеграфный шифр». Наиболее употребительные иероглифы расположены в порядке постепенного возрастания сложности написания, т. е. количества черт, и пронумерованы от 0001 до 9999. Сначала нужно написать текст телеграммы иероглифами, потом с помощью «шифра» заменить их

цифрами. Правда, можно самому этого не делать, но тогда эту операцию выполнит работник телеграфа, а за это взимается дополнительная плата.

В странах, где нет иероглифического письма, газеты и книги печатать очень легко. Набор делается на «разумных» машинах — линотипах, которые сами отливают целые строчки, повинаясь лёгкому нажатию наборщика на клавишу. А в Китае так нельзя. Линотипа для иероглифов сделать невозможно. Почему? — можете спросить вы. Да потому, что знаков в китайской письменности много. Простая пишущая машинка со всеми приспособлениями занимает место чуть не с письменный стол, да и на ней фактически «набирают» вручную. Машинистка имеет перед собой кассету, в которой «заряжены» 2000 иероглифов наиболее употребительных. Кроме этого, она имеет ещё пять запасных кассет, содержащих 8000 знаков. Прежде чем печатать текст, машинистка просматривает его и заряжает одну-две кассеты необходимыми для работы знаками и только после этого приступает к печатанию. Печатающая, она специальной зажималкой «выуживает» литеру из кассеты и ударяет ею по ленте, а потом кладёт литеру на место. Вот сколько опера-

ций из-за одного иероглифа! Но на машинке достаточно иметь по одной литере каждого знака, т. к. при повторении можно опять вынуть его, отпечатать и положить на место. Другое дело при наборе газеты или книги. Там требуется и много литер одного знака и различные шрифты. Чтобы выпускать ежедневно газету, трудится целая гвардия наборщиков и их помощников. Опечатки в изданиях не редкость. Избавиться от них практически нет возможности. Наши китайские специалисты, побывавшие в редакциях советских газет, просто пришли в восторг и с завистью смотрели, как быстро и оперативно делается в Москве газета. Стучит телетайп, принося на понятном для всех советских граждан языке последние известия со всех концов земного шара, лента бумаги с телетайпа передаётся линотиписту — и вот уже готовые строчки идут из машины. Несколько минут, и редактор читает готовые оттиски... А в Китае? Например в Лондоне случилось какое-либо событие. Кор-

За работой на китайской пишущей машинке

респондент китайской газеты одновременно с корреспондентами других стран получил материал для газеты. Другие уже отправили депеши, и их приняли редакции, и линотипы уже отлили строчки. Немного времени — и сообщение прочтут читатели. А китайский корреспондент ещё шифрует свой материал, по возможности сокращая его, чтобы не тратить драгоценного времени. Многие корреспонденты пользуются английским языком, но это не выход из положения — ведь с английского надо переводить на китайский...

Приходилось ли вам отыскивать в словаре слово? Как просто его найти в русском, или английском, или французском словаре! Но сколько трудов нужно потратить на поиск слова в китайском словаре, — знают только китайцы и те, кто изучал китайский язык. Во-первых, в разных словарях иероглифы расположены по разным системам; во-вторых, много иероглифов имеют сложное написание, и не

сразу догадаешься, даже зная систему, где их искать; в-третьих... да ещё много всяких трудностей. Я могу только сказать, что для большинства китайских школьников нет большей неприятности, как разыскивать слово в словаре.

В этой небольшой статье я рассказал школьникам лишь о немногих затруднениях, которые вызываются иероглифическим письмом; в действительности их гораздо больше, и они приносят китайскому народу неизмеримый вред. Поэтому Правительство Китайской Народной Республики недавно утвердило проект перехода на фонетическое письмо. Проект обсуждался всем населением нашей страны и принят единодушно. В настоящее время у нас активно проводится подготовка к переходу на новое письмо. Дело это, конечно, не простое, оно требует длительного времени, но все надеются, что в ближайшие несколько лет оно успешно завершится.

«ЗОНТИК»

Китайские художники часто из иероглифов делают рисунки. Особенно увлекались этим в старину каллиграфы. Очень давно был сделан рисунок-вензель «зонтик» (см. рис.). Он состоит из четырёх иероглифов (сверху вниз) «тянь-ся тай-пин», что в переводе значит «великий мир всему миру». В настоящее время «зонтик» неизменный спутник всех демонстраций и праздничных шествий — его вырезают из цветной бумаги, рисуют на больших плакатах.

Батрак и помещик

Б Ы Л Ь

В КИТАЕ в провинции Шань-дун есть уезд Пинду. Это и произошло там.

Жил в своё время в том уезде помещик по фамилии Бо, и имел он несчётное количество батраков. И такой он жадный был, что даже гаоляновыми* лепёшками кормил батраков не досыта.

Однажды батраки пришли домой с поля усталые и очень голодные, а один так даже упал на землю и стонет: «Умираю, от голода умираю, братцы!»

Услышал это молодой помещик, хозяйский сын, и закричал на беднягу: «Да ты что ещё выдумал?! Опозорить нас захотел? Где это слыхано, что от голода умирают?! Кто поверит, что можно быть голодным?!»

Разозлились батраки. Ушли в поле. Там и говорит один из них: «Давайте поколотим его за такие штучки, когда он к нам в поле придёт! Будет тогда знать, что такое голод!» А другой батрак отвечает: «Нет, нельзя так. Узнают, нам всем худо будет. Я тут другое придумал...» Проговорил это и стал быстро-быстро подрезать рисовые колосья. Немало испортил риса... А поздно вечером пришёл к молодому помещику и, низко поклонив-

шись, говорит ему: «Господин, на ваших полях зайцы рис испортили, много колосьев на земле валяется!» А помещик охоту любил. Как услышал он про зайцев, стал собираться, чтобы с утра на них поохотиться.

Утром помещик чуть свет в поле явился, зайцев искать стал, до полудня гонялся, но ни одного не нашёл. А батрак говорит ему: «Господин! Давайте я за холмы пойду, они там, наверное, спрятались. Как увижу, вас позову!» Долго он там ходил, несколько часов прошло. Уже давно обедать пора, а о зайцах ничего не слышно. Вдруг помещик слышит голос батрака: «Сюда! Сюда! Зайцы! Один! Два! Три! Много!» Помещик прибежал на крик, а батрак ему: «Зайцы уже убежали, господин! Надо в другой стороне поискать их». Так и прогонял своего господина батрак до позднего вечера. Тому уж неважно — настолько есть хочется. Зайцев так и не нашли, а помещик устал, велит обратно идти. Пришли они к стану, а там батраки собрались, гаоляновыми лепёшками закусывают. Хозяин смотрит, как его батраки едят, и слюнки у него текут, а ходивший с ним «за зайцами» приговаривает: «Когда есть хочется,

* Гаолян — корм для скота.

то и гаолян хорош. Только бедняцкая это еда, для господского желудка не подходит, да господа и не знают, что такое голод.

Помещику терпеть голод уже не было сил. Он сидел, смотрел, да и взмолился: «Дайте мне кусочек!», а сам чуть не плачет.

«Ай-я! — удивились батраки. — Разве господин может чувствовать голод?»

Пришлось остаться помещику без еды и самому прочувствовать, что такое голод. Злился он очень. Так злился, что чуть голодной слюной не подавился.

Дружба трёх поколений

(Текст к песне, помещённой на 2-й странице)

Через горе и беды,
Путь пройдя до победы,
Наши встретились деды,
Побратались отцы.

Шли в бои огневые,
Всех врагов сокрушая,
Коммунисты России,
Коммунисты Китая.

Из военного строя
Возвратились герои.
На леса новостроек
Поднялась молодёжь.

На дела трудовые
Вышла рать молодая —
Комсомольцы России,
Комсомольцы Китая.

Мы живём по соседству,
Делим радости детства.
Мир и дружбу в наследство
Нам вручили отцы.

Вьются песни простые
Голубиною стаей —
Пионеры России,
Пионеры Китая!

24 отмели

СКАЗКА

Рис. художника Хуан Цзина

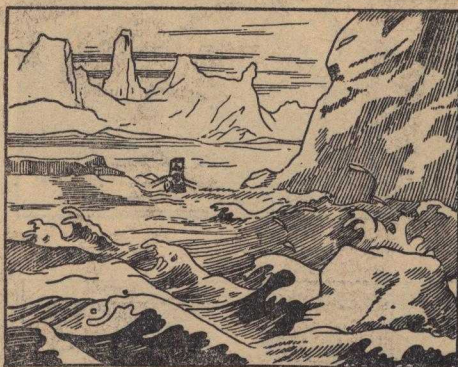
В ПРОВИНЦИИ Сычуань протекает река Миньцзян, и есть на этой реке место, где особенно высоки волны; а высоки они потому, что здесь 24 отмели. Многим знакомы эти отмели, но мало кто знает легенду о них, хотя легенда уже насчитывает тысячелетия...

Давно это случилось, очень давно. Жил в одной деревне молодой китаец по фамилии Нэ. Односельчане звали его Нэ Лан, что значит молодой Нэ. Рано он потерял отца. Была когда-то у них земля — всего несколько му, но и ту отнял местный помещик Чжоу. Хоть и в большой бедности, но вырос Нэ Лан крепким и сильным и не захотел батрачить на помещика, а стал собирать хворост. На вырученные деньги двое — мать и сын — могли кое-как существовать.

Однажды Нэ Лан, возвращаясь домой с очередной вязанкой хвороста, встретил на дороге управляющего Лю, верного помещичьего слугу. Он как раз нанимал крестьян на работу, искал желающих отправить на поиски свежей травы для лошади помещика. Но в это время года нигде не росла свежая трава, поэтому все угрюмо пожимали плечами, и никто не решался взяться за выполнение такого задания. Увидя Нэ Лана, Лю подозвал его и проговорил: «Эй! Малый! Принеси корзину свежей травы в дом помещика Чжоу, получишь две деньги!»

«Две деньги за корзину травы?» — переспросил Нэ Лан, но управляющий не удостоил его ответа, а только кивнул головой.

Пришёл домой Нэ Лан. На столе еда — варёные отруби. Старушка мать и прожевать их не может, но не плачет и вида не подаёт, что голодна — не хочет расстраивать сына. А Нэ Лан всё видит, всё замечает. Вдохнул тяжело и говорит: «Мама, завтра я с утра пойду искать свежую траву. Помещик за

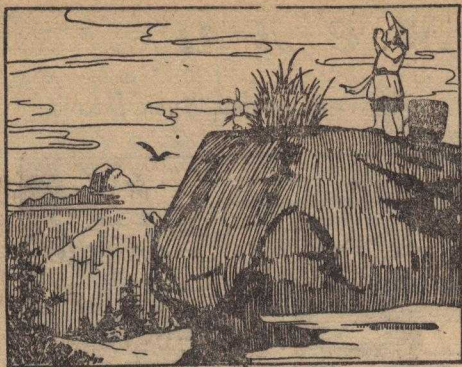
корзину травы две деньги обещал. Я смогу тогда купить тебе хорошую еду...»

На следующее утро, солнце ещё только собиралось просыпаться, Нэ Лан надел на спину свою большую корзину, взял серп и отправился в путь.

Дошёл он до горы Красного Дракона, смотрел повсюду, но нигде не было даже следов травы — время не такое, чтобы трава зелёная росла! Вдруг Нэ Лан заметил за камнем маленького белого зайца, который, быстро поглядывая во все стороны, жевал нежно-зелёный стебелёк. «Мне повезло! — подумал Нэ Лан. — Заяц знает, где растёт в это время года зелёная трава! Теперь я его выслежу, и всё в порядке».

Так он и сделал. Заяц поскакал, а Нэ Лан, прячась за деревьями, последовал за ним. Заяц — на го-

ру, Нэ Лан — на гору, заяц — на скалу, Нэ Лан тоже. Много времени прошло, но юноша словно не чувствовал усталости. И вот его поиски увенчались успехом — он увидел, как заяц забрался на неприступный утёс, а там, на самой вершине, почти за облаками, зеленел куст.

Пренебрегая опасностью, Нэ Лан влез на вершину утёса. Ловкость юноши поразила даже обезьян. А когда он очутился на вершине, то увидел большой куст свежей зелени. Заяц сидел тут же и щипал траву.

Нэ Лан снял корзину, вынул серп и срезал всю траву — набралась как раз полная корзина, ни больше, ни меньше. Только собрался он идти, взгляд его упал на одинокого зайца. Пожалел его Нэ Лан, вынул из корзины пук травы и кинул зайцу, а сам спустился в долину.

Опустил свою ношу юноша у ворот помещика Чжоу и постучал в ворота. Вышел ему навстречу управляющий, подивился — полна кор-

зина свежей сочной травы. «Давай скорей неси вторую! — прокричал управляющий Лю. — Получишь деньгу». «Как вторую?» — удивился Нэ Лан. «А ты как считаешь?» — возмутился Лю. «Господин Лю, вы вчера говорили, что плата две деньги за корзину, не так ли?» «Вчера было вчера. А сегодня плата другая — за две корзины одну деньгу! Проваливай!»

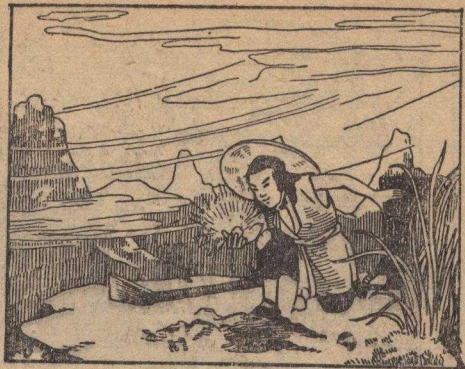
Делать нечего, поплёлся усталый юноша домой и всё рассказал матери. «Помещики всегда так, не расстраивайся», — успокаивала его мать. На следующий день снова пошёл Нэ Лан искать траву, долго искал, но травы нигде не было. Преходя мимо высокого утёса, он невольно бросил на него взгляд и не поверил своим глазам: на том месте, где он вчера срезал всю траву, сегодня росла пышная зелень. Нэ Лан быстро вскарабкался на утёс и опять накопил полную корзину. С этого дня так и повелось — Нэ Лан скосит траву на утёсе, а на следующее утро она вырастает снова. Каждый день юноша приносил помещику траву, а на полученные деньги покупал для матери рис. Сам Нэ Лан по-прежнему питался отрубями. Всё было бы хорошо, если бы не буря. В один из пасмурных дней разразилась сильная буря, ветер налетел неожиданно и одним порывом выдул из заплечной корзины всю траву, которую накопил Нэ Лан. В тот день мать и сын остались голодными... На следующий день Нэ Лан решил снова пойти на утёс, но не косить траву, а выкопать весь куст и перенести его к себе домой, чтобы посадить у дома. Так он и сделал. Ему повезло — погода была не очень плохая, куст выкапывался быстро. Когда последний раз ударил он заступом, раздался странный звук, из ямки полился приятный свет. Нэ Лан удивился и стал разгребать землю руками. Миг — и в его руках оказался большой драгоценный камень, переливавшийся всеми цветами радуги и излучавший приятный свет. Нэ Лан долго любовался им, а потом спрятал в карман, затем аккуратно уло-

жил в корзину выкопанный куст и отправился в обратный путь.

Придя домой, юноша сразу же посадил куст у стены дома и рассказал матери о находке. Они решили на следующий день продать драгоценный камень в городе, а пока спрятать его. Но куда? Никаких шкафов или ящичков в доме не было. «Давай положим камень в кувшин, где осталось немного риса», — предложила мать. Так они и сделали и улеглись спать. Раньше обычного проснулся Нэ Лан — ему не терпелось проведать зелёный куст, но только открыл дверь, как в глаза бросились пожелтевшие, увядшие стебельки. Куст погиб. Горько заплакал юноша. Мать успокаивала его, говоря, что куст — это мелочь, что у них есть драгоценный камень, который нужно быстрее отнести в город и там продать. Нэ Лан пришёл в себя и вернулся в дом. Каково же было его удивление, когда в кувшине он не увидел камня — кувшин был полон прекрасного белого риса. Мать от удивления не знала, что сказать. Постепенно и она пришла в себя и обратилась к сыну с такими словами: «Сын мой, не спеши готовить из этого риса еду, сначала отнеси мешок своему дяде, потом моей сестре — ведь им живётся ещё тяжелее, чем нам!» Юноша высыпал почти весь рис в мешок и пошёл выполнять поручение матери, а когда вернулся, то не поверил своим глазам — кувшин был снова полон риса.

На следующий день управляющий обходил всех жителей деревни и собирал налог, которым обложил крестьян помещик. Подойдя к дому Нэ Лана, он увидел приготовленный мешок риса. Хитрый управляющий молча взял мешок, похвалил Нэ Лана и бегом пустился к помещику. Помещик выслушал рассказ управляющего, а потом велел собрать к своему дому крестьян побогаче и сказать им, что Нэ Лан обокрал его и их — украл всё, что собрано, как налог, и поэтому налог придётся собирать заново. Крестьяне возмутились и ринулись к дому Нэ Лана. Ворвавшись в дом, они перерыли

все вещи, — а вещей-то раз-два и обчёлся, — но ничего не нашли. Нэ Лан вначале никак не мог понять, что происходит, а когда понял, то рассмеялся и рассказал про драгоценный камень и показал его. Ещё больше разгорелась жадность помещика и кулаков. Они захотели отнять камень. Началась свалка, во время которой Нэ Лану удалось скрыться.

Помещик был в страшном гневе — волшебный камень выскользнул из его рук. И хотя наступила уже ночь, он со своими слугами поскакал за Нэ Ланом в погоню. А Нэ Лан незаметно вернулся домой. Он едва мог двигаться — так сильно его побили в свалке. Он возмущался несправедливостью богатых, но что мог сделать бедняк, когда на их стороне была сила? «Нет! Я никому не отдам камня! Я выброшу его в реку!» — кричал он, когда мать уговаривала его смириться и отдать камень помещику. Схватив камень, он опрометью бросился вон. Мать не сумела его задержать. Нэ

Лан быстро бежал к реке, мать спешила за ним. Не успела она догнать сына, как тот, размахнувшись, с силой швырнул волшебный камень в реку. Камень, ярко блеснув, скрылся в волнах, и в этот момент разразилась буря — загредел гром, засверкала молния, начался ливень. «Что ты наделал!» — в ужасе закричала мать, но сын молча смотрел на разбушевавшуюся стихию...

Бедняки, жившие в деревне, возмущались тем, что помещик и его

слуги разорили дом бедной женщины и её сына только за то, что к ним на минуту пришло счастье. Они сговорились и решили напасть на отряд помещика, который разыскивал юношу и его мать.

Река же продолжала бушевать, по ней ходили большие волны. Вдруг гребень одной волны стал постепенно темнеть, темнеть и превратился в зелёного дракона, который, сверкая глазами, появлялся то там, то здесь... Изумлённый Нэ Лан продолжал со своей матерью стоять на берегу. Вдруг к этому месту подскочил со своими слугами помещик и набросился на женщину и её сына. Но схватить их не удалось. Дракон, поднявшись из воды, выхватил из рук злодеев Нэ Лана и его мать и перенёс их на небольшой островок. «Вперёд! Достать их!» — прокричал слугам помещик, а сам с небольшой группой остался на берегу. Слуги поспешили в воду. К этому времени подоспели односельчане. Они шли, как лавина. Только первые ряды достигли воды, как моментально превратились в огромный вал бурлящей воды. Этот вал налетел на помещика и его слуг и, переворачивая их, унёс в пучину. Вода была настолько холодна, что помещик и его слуги окаменели. Затем волны подхватили Нэ Лана и его мать и плавно понесли вниз по течению, куда устремлялись потоки чистой воды, а на прежнем месте остались лишь глыбы камней, чтобы напоминать всем помещикам об их участи...

С тех пор прошло много времени, камни покрылись песком и образовали 24 отмели.

Ну, а как же Нэ Лан и его защитники? — могут спросить читатели. А он постепенно тоже превратился в каплю чистой воды и вместе с волнами реки устремился вперёд, сметая на пути всё то, что мешает жить беднякам...

Вот и вся легенда о том, как образовались 24 отмели. Возможно, это случилось не совсем так, но кто может точно припомнить, что произошло тысячи лет тому назад...

Горбатый мост

СКАЗКА

В КИТАЕ много мостов. Есть маленькие, есть побольше, а недавно через реку Янцзы построили совсем большой мост. У каждого моста, будь то молодой или старый, есть своя история. Эту легенду о горбатом мосте, что стоит на реке Иньшуй, рассказал мне один «шошуды»*, а я записал её для вас, дети. Вот эта легенда.

Очень давно, лет тысячу тому назад, когда ещё могли случаться чудеса и другие необыкновенные вещи, под горой Байюнь у быстрой речки жил молодой китаец по фамилии Ло. Он растирал на жернове бобы и делал соевый сыр — доуфу, продавал его и на вырученные деньги существовал. На спине у него был большой горб, и люди прозвали его «горбатый Ло». Нелегко сло-

жилась жизнь молодого человека. Он рано потерял своих родителей, и пришлось наняться ему в услужение к богатому мандарину. Богач заставлял слабого мальчика носить на спине тяжести, и через несколько лет спина искривилась, вырос большой, некрасивый горб. Когда мальчик подрос, богач прогнал его: ведь чем больше человек, тем больше он ест, а мандарин был очень жадный, как и все богатые люди. Делать нечего, пошёл мальчик к реке, построил себе камышовую хижину, посеял бобы на маленьком клочке земли, приспособил под жернова два больших камня и стал делать доуфу.

Хотя жилось ему очень трудно, никогда не удавалось поесть досыта, но он не унывал и, глядя на быстро бегущие воды горной речки, говаривал: «Ничего, придёт время и жизнь бедных людей потечёт так же легко и

* Шошуды — сказитель в Китае, рассказывающий сказки под аккомпанемент деревянных дощечек типа кастаньет.

свободно, как бегут волны реки...»

А горная речка имела крутой нрав. Течение её было настолько стремительным, что перейти её сильному взрослому человеку удавалось с трудом, а маленьких детей и слабых стариков холодная прозрачная волна опрокидывала, словно былинку. Смотрел, смотрел на реку Ло и думал: «Хорошо было бы людям, если бы здесь стоял мост, но как его построить? У бедняков денег нет, а богачи не дадут, да и мост им не нужен — их переносят через реку носильщики!» И пришла ему в голову мысль: откладывать из своих скромных средств деньги на постройку моста, а пока помогать старикам и детям переходить вброд.

Так и потекли его дни: весь день крутит жернов, а подойдёт ребёнок или старик к броду, бросает свою работу Ло и спешит к путнику. Не понимает путник, в чём дело, а Ло показывает на свой горб и говорит, да не просто, а стихами собственного сочинения:

*Вода в реке быстра, а камни
очень скользки.*

*Садись ко мне на горб, как
на скамью,*

Я на ту сторону тебя перенесу,

И целым ты придёшь домой.

С тебя я платы не возьму,

Ведь ты бедняк, как я.

Любили люди Ло и хотя по-прежнему продолжали называть его «горбун Ло», но не в насмешку, а просто по привычке.

Однажды, когда ветер особенно сильно гнал волны по реке, к броду подошёл старик в красных соломенных лаптях с

мешком на спине. Ло, как обычно, оставил жернова и подбежал к старику. Старик, услышав призывную песню, что-то проворчал, но всё-таки взобрался на горб, и Ло перенёс его на другой берег. На суше старик проворно соскочил со спины и заторопился в горы, забыв про мешок. Когда Ло заметил это, незнакомец был уже далеко, но он всё же взял мешок и догнал старика. Старик молча развязал мешок, вынул оттуда горошину и протянул её Ло: «Раздобыл ты меня. За это дарю тебе этот боб. Положи его в жернов, и он вечно будет молотиться, никогда не иссякнет». Сказав это, старик исчез. В то время, как я уже говорил, чудесам не удивлялись, и Ло принял волшебную горошину, как в наше время берут самую обыкновенную вещь.

Время шло, и жизнь Ло текла по-прежнему. Денег, казалось бы, теперь стало больше, но Ло почти все их тратил на камень для постройки моста.

Как-то раз, когда опять разыгралась непогода, к берегу подошёл дряхлый старичок. «Перенести на ту сторону?» — спросил его Ло. «Нет, — ответил старик, — угости меня доуфу, я хочу есть!» Ло быстро вынес пять больших кусков сыра, старик жадно выхватил их из рук горбуна, запихал в рот, но сморщился от недовольства и выплюнул в реку. Ло удивлённо посмотрел на старика и пошёл прочь. Не успел он дойти до своей хижины, как услышал страшный грохот. Обернувшись, он изумился: наперекор бегущим волнам вставали стеной

опоры для моста, а волны разбивались о них и издавали невообразимый шум. Сердце Ло радостно забилося, он хотел догнать старика и поблагодарить его, но того уже и след простыл. Опечалился Ло: где же найти доброго волшебника, чтобы выразить ему свою благодарность? Где найти его, чтобы извиниться за то, что не оказал ему должного внимания?

Пока он так стоял на берегу и отдавался своим думам, у брода собрался народ. Все удивлённо, но в то же время радостно смотрели на красивые и прочные опоры. «Это ты? Когда ты успел?» — раздавались отовсюду возгласы, обращённые к Ло, но тот молчал, понуро глядя в воду. Вдруг он увидел в остановившейся на мгновение волне отражение красивой девушки, стоящей на горе Байюнь. Ло обернулся и удивлённо заморгал глазами — девушка пропала, а перед ним стоял сгорбленный старичок в красных соломенных сандалиях. Удивление на лице Ло сменилось радостью, он бросился к старичку и громко закричал: «Вот! Вот кто построил эти опоры!» Все стоявшие на берегу обернулись на крик, но старик пропал так же неожиданно, как и появился, а на берегу сиротливо стояли забытые им красные сандалии. Постепенно народ разошёлся, остался только один Ло. Он посмотрел на небо — надвигалась гроза, поднимая сандалии и побрёл к себе в хижину. Первые удары грома раздались, когда Ло уже был под крышей. Он присел на постель, а сандалии положил на

Рис. В. Орлова

пол. Начался сильный ливень, вода стала подтекать под дверь, образуя маленькие лужи. Ло решил заложить чем-нибудь щель под дверью и приподнялся с постели, встал на пол, но по неосторожности зацепил ногой сандалию, и она попала в воду. Только вода коснулась подошвы, как та стала быстро расти и превращаться в каменную арку, сметая всё на своём пути... Когда дождь прошёл, вместо разрушенной хижины стояла огромная каменная арка, а рядом лежала одна сандалия. Ло заметил

её, подобрал и положил на арку, чтобы она не испачкалась в грязи. Едва подошва сандалии коснулась камня; как арка раскололась на много кусков. Ло было испугался, но тут ему в голову пришла замечательная мысль — перенести по кускам арку на опоры и укрепить там — будет мост! Он поспешно стал переносить куски и устанавливать на опоры, но как ни пытался их скрепить, ничего не получалось. Промучался так он до ночи, но и ночью не переставал таскать на своём горбу камни. К утру он начал замечать, что камни плохо держатся на его спине, зато очень хорошо стали держаться на опорах. Он привычным жестом попытался пощупать свой горб, но рука скользнула по пустому месту: горба не было! Его стёрли тяжёлые камни, которые таскал Ло.

А когда наступил рассвет, Ло

увидел красивый мост, перекинутый через бурную речку. Мост имел форму горба...

Подошли первые путники, увидели мост и назвали его «горбатым». Так с тех пор он и называется. А что дальше было с Ло? — можете спросить вы. Все бедняки, которые знали Ло, собрались, помогли ему построить новый дом вместо разрушенной хижины, и он продолжал делать доуфу, ведь у него сохранилась волшебная горошина, которая никогда не иссякает. И сейчас, если вы поедете на реку Инь-шуй, где стоит горбатый мост, вы можете увидеть неподалёку от моста дом, а около дома жернова, из-под которых непрерывно сыплется соевая мука. Дети и взрослые едва успевают её собирать. Это и есть дом Ло, и живут в нём его пра-пра-праправнуки.

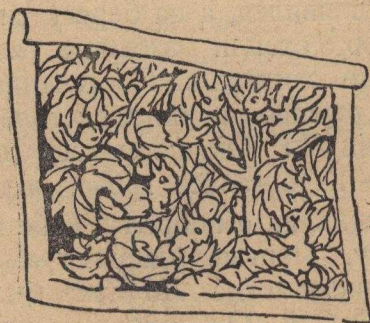
Пересказал Н. ЗЫКОВ

Загадочная картинка

(Рисунки Янь Чжэ-си)

Отгадайте, сколько белок на рисунке?

Б А С Н И

УЛИТКА

Всем знакома улитка. Она одета в твёрдый панцирь и движется едва-едва. А было время, когда улитки бегали не хуже нас с вами. Что же произошло? Почему улитка стала так медленно передвигаться? Это очень древняя история. Её поведал мне один сказитель.

Очень давно, когда ещё люди только учились ходить, улитка задумала совершить кругосветное путешествие. Она была неопытна в дальних походах и решила спросить совета у старой мудрой черепахи. Черепаха ей дала такой совет:

— Путешествие — дело простое. Я слыхала от своей прабабушки, что для этого много не нужно. Самое главное — быть по моде одетой. Моя прабабушка говорила, что модно носить на спине панцирь.

Услышав это, улитка поспешила домой и стала разыскивать модную одежду. Вскоре она нашла брошенную кем-то раковину и нацепила её на спину. Раковина была, конечно, тяжёлой, и улитка могла передвигаться только ползком, да и то очень медленно... С тех пор все улитки имеют на спине панцирь. А разве можно быстро идти вперёд, когда на спине тянешь никому не нужное бремя старины? — так закончил своё повествование сказитель.

ХВАСТУНЫ

Один хвастун говорит другому: «Посмотри на мою стрелу! Стрела такая, что лучше и быть не может! Ей даже и лук не нужен, такая она хорошая!»

«А у меня лучший на свете лук! Такому чудесному луку никакой стрелы не надо!» — хвастался другой.

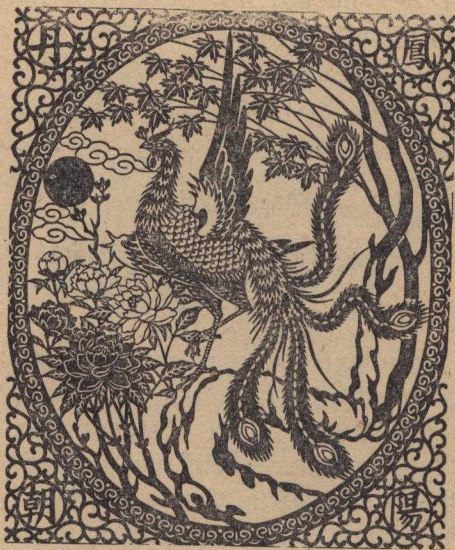
Мы не будем спорить с хвастунами. Всем ясно, что плохой лук вместе с плохой стрелой куда лучше, т. к. вместе они составляют одно целое, которое приносит пользу. А что проку в прекрасном луке, но без стрелы, или в идеальной стреле без лука?

ПАМПУШКА И ХВОРОСТ

Это произошло давно, когда в Китае ещё были помещики.

Посылает как-то один помещик своего батрака в лес за хворостом, а еды даёт всего-навсего одну чёрствую сморщенную пампушку величиной с кулак. «Это на весь день-то? — говорит работник. — Мало, очень мало». «Не мало, не мало, — отвечает помещик. — Будешь есть, положи пампушку в воду, она размокнет, будет много, много!»

Солнце уже спряталось за горы, когда батрак вернулся в деревню. В руке он нёс пучок хворостинок. «Ты почему набрал мало хвороста?» — закричал помещик. «Не мало, не мало, — спокойно возразил батрак. — Когда будешь топить, положи хворост в воду, он размокнет, будет много, много».

В Китае окна украшают художественными вырезками из бумаги. Китайские мастера в их изготовлении достигли большого совершенства. Вырезки из бумаги демонстрируются на выставках вместе с другими произведениями искусства.

Здесь помещена вырезка «Сказочная птица и солнце».

Знаешь ли ты, что...

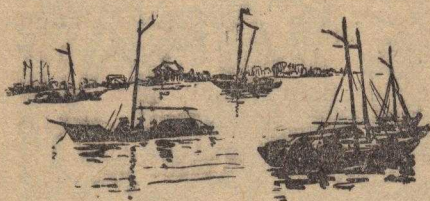
...самые красивые в мире по рисунку и пушистости шерсти тигры водятся на северо-востоке Китая.

* * *

...в Пекине так же, как и в московском Кремле, есть «Царь-колокол». Высота его 7 метров, диаметр — 3,6 метра, вес 42 тонны. На колоколе искусно вырезан текст, в котором насчитывается 200 тысяч иероглифов. Колокол изготовлен более пяти-сот лет назад, но, несмотря на это, прекрасно сохранился.

* * *

...в уезде Чжэньцзэ провинции Цзянсу более сорока деревень расположены на маленьких островках озера Тай-ху и населены, главным образом, рыбаками. Кинотеатров здесь нет, и до освобождения страны местные жители не имели понятия о кино. В настоящее время сюда регулярно приезжает кинопередвижка. Кинофильмы демонстрируются прямо на озере — на лодках.

...в городах Китая нет мух. Несколько лет тому назад мухам была «объявлена война», и их всех уничтожили. В этом движении за уничтожение мух принимало активное участие всё население страны.

* * *

...варёный осьминог очень вкусное блюдо. Его едят в Китае, Корее, Японии и в некоторых других странах.

Мясо лягушек очень вкусно и полезно. По своему вкусу оно ничем не отличается от мяса курицы.

* * *

...на севере Китая зимой морозы достигают 40 градусов ниже нуля, а на юге никогда не бывает зимы и круглый год собираются урожаи и произрастают солнцелюбивые ананасы.

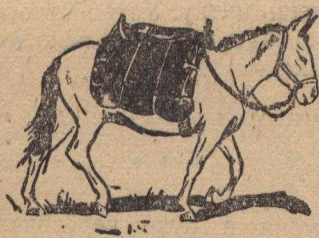

* * *

...в Китае есть мул-«пенсционер». В апреле 1957 года в зоопарк города Нанкина передан мул — ветеран Великого похода, который проделала Китайская Красная Армия 20 лет тому назад. Мул очень добросовестно, если можно так сказать, выполнял свои обязанности.

Весной 1939 года, когда часть Народно-освободительной армии пробивалась из окружения в районе Фэйчэна, конюх Ван Чжан потерял мула. Мул через некоторое время сам вернулся в обоз с поклажей, которая оказалась в полном порядке. Сейчас мул стал как бы пенсионером — он живёт в просторном вольере и не знает никаких забот.

* * *

...по-китайски столица КНР город Пекин читается не Пекин, а Бэйцзин и в переводе на русский язык значит «северная столица».

* * *

...если все реки Китая вытянуть в одну голубую ленту, то она опояшет по экватору земной шар.

* * *

...в Китае бамбук — наиболее распространённый материал для приготовления различных предметов обихода. Из него делают «куайцзы» (палочки, которыми едят китайцы), расчёски и гребни, корзинки, дамские сумки, коврики, мебель и даже посуду.

* * *

...все роли в пекинской опере исполняются только мужчинами. Артист Мэй Лань-фан непревзойдённый исполнитель женских ролей. А в шаосинской опере наоборот — все роли исполняются только женщинами.

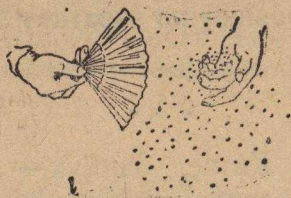

Рисунки И. Скоробогатова

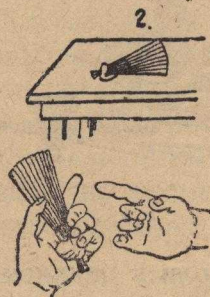

Эти фокусы показывают китайские пионеры

* * *

На столе лежит веер. Показывающий фокус демонстрирует зрителям веер и начинает помахивать им сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Вдруг из пустой, свободной ладони руки начинают вылетать снежинки. Интересно? (см. рисунок).

К ручке веера прикрепляется маленький бумажный пакетик с конфетти. Во время демонстрации веера зрителям левой рукой незаметно пакетик снимается и прорывается. Содержимое пакетика остаётся в руке. Когда от веера подует ветерок, конфетти будут вылетать из «пустой» (для зрителя) руки.

* * *

Из любого предмета можно выжать воду, даже из ножа или коробки спичек. Не верите? Зря. Попробуйте, кто считает себя сильным.

Намоченный в воде комочек ваты кладётся за ухо. Перед тем как начать «выжимку воды», скажем, из ножа, незаметно берётся из-за уха вата. Это сделать легко — почешите за ухом и в это время возьмите вату.

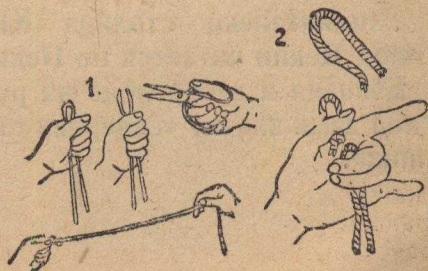
На кусочке картона две звёздочки. Закрыв рукой — раз, два, три, открыл — на картонке три звёздочки. Опять закрыл картонку ладонью. Раз, два — открыл — на картонке две звёздочки. И так можно без конца. А как это сделать?

На картонке нарисованы две звёздочки (см. рисунок), а третья передвигается на нитке. Чтобы не видно было нитки, она берётся цвета картона. Когда закрываешь ладонью картонку, то незаметно передвигаешь нитку. Устройство картонки и звезды на нитке ясно видно из рисунка.

* * *

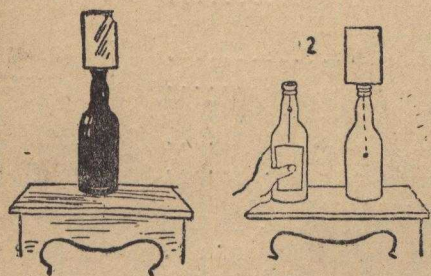
У меня в руке верёвочка, сложенная пополам. Беру ножницы, разрезаю верёвочку пополам. Раз, два — верёвочка целая (см. рисунок). Объяснение фокуса легко понятно из рисунка. В руке заранее прячется верёвочная петелька, которая и перерезается ножницами.

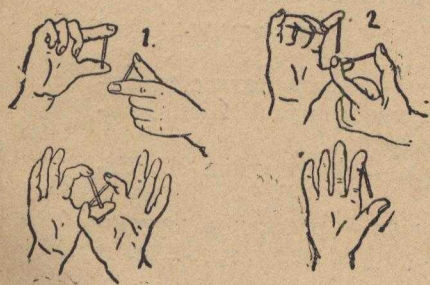
* * *

Картонная карточка стоит ребром на горлышке бутылки. Можно дуть на неё, можно снять с горлышка, но стоит только выпустить её из руки, как она сама, без посторонней помощи, занимает прежнее место на горлышке бутылки.

Для фокуса берётся обязательно тёмная бутылка. К картонке прикрепляется на ниточке грузик, который опускается в бутылку.

* * *

Большим и указательным пальцами обеих рук держатся спички, миг — и без чьей-либо помощи спички переплелись.

Чтобы сделать такой фокус, не требуется сложных приготовлений. Достаточно только покрепче прижать пальцами спичку и отпустить пальцы, тогда спичка повиснет на одном пальце. Остальное — за сноровкой.

Загадки

Стройные, высокие
друзья растут,
Но разом погибают,
как только зацветут.
(ягдвер)

*

Ветер дует, я не дую.
Он не дует, дую я.
Но, когда я сам подую,
Ветер дует от меня.
(дээр)

*

Есть рот
— не умеет говорить.
Без ног, но может
пробежать тысячи ли.
В животе хранит в тайне
дела людей.
(омчэиш)

*

Маленькая палочка
с чёрной кожей.
Сердцевина тоже
чёрная.
Круглый год моется
только холодной водой.
Всегда уменьшается,
никогда не растёт.
(чплл кжэиэтии)

*

Стоит — метр высотой,
Лежит — метр шириной.
(длэw)

*

Вышел блином,
пришёл клином,
Положили на порог, он
печально слёзы льёт.
(лноэ)

*

Лежит бочонок
небольшой
С золотой и
серебряной водой.
Открыть бочонок
ты откроешь,
Да вот обратно
не закроешь.
(опиь)

СОДЕРЖАНИЕ

Я желаю вам счастья. Письмо Министра культуры КНР Мао Дуня	1
Дружба трёх поколений. Ноты к песне композитора Н. Когана на слова И. Ринка. (Текст песни — на стр. 50)	2
Я вырос на шахте. Отрывок из автобиографического рассказа У Юнь-до	3
Китай старший брат. Стихотворение Ван Мина (пе- ревод И. Ринка)	13
По следам. Рассказ Яо И-фэй	14
Пекинские зарисовки. Рисунки и стихи Шао Юя (пе- ревод стихов Л. Хаустова)	20
Пшеница. Чжан Чжоу	22
Китайские пословицы и поговорки	28, 33, 38
Перехитрила. Рассказ в рисунках К. Бекташева	29
Пинг-понг. Пьеса в одном действии Е. Суя	30
Басни	32, 59
Самолёт. Стихотворение Ли Ина (перевод И. Ринка)	33
Необыкновенная рыбалка. Рассказ Ван Дань-пина ..	34
В парке Вэйхай. Стихотворение Ван Мина (перевод И. Ринка)	38
Пчёлы. Рассказ Юн Чуня	39
Находчивый петух. Рассказ в рисунках К. Бекташева	42
Чужой голубь. Рассказ Гао Ин-хуа	43
Иероглифы и время. Статья Ни Хай-шу	46
Батрак и помещик. Быль. Гао Юй-бао	49
24 отмели. Сказка	51
Горбатый мост. Сказка	55
Загадочная картинка. Янь Чжэ-си	58
Знаешь ли ты, что	60
Эти фокусы показывают китайские пионеры	62
Загадки	63

На первой странице обложки — репродукция с гравю-
ры на дереве «Пионеры летом» художника У Жаня, вы-
полненной специально для «Искорки».

На второй и третьей страницах — фотоснимки «По Ки-
таю».

На четвёртой странице обложки — рассказ в картин-
ках китайских художников «У Сун убивает тигра». Текст
Н. Садового.

* * *

Перевод литературных материалов, любезно прислан-
ных из Китая по просьбе редакции «Искорки», сделан
Н. М. Зыковым и М. И. Демиденко.

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-48-51.

Сдано в набор 13/V. Подписано к печати 10/VI 1958 г. 4 печатн. листа. Уч.-изд. л. 5,75.
Тираж 75.000. М. 35061. Заказ № 747. Формат бумаги 70 × 108 1/16. Цена 1 рубль.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Центр. Фонтанка, 57.

Много тысячелетий насчитывает китайская культура. Изумительные художественные памятники созданы золотыми руками китайских мастеров. В разных уголках страны находятся произведения древних скульпторов и художников. Они бережно охраняются.

На снимке: делегация деятелей культуры СССР у пещеры каменных будд в районе города Лоян.

Цена 1 рубль.

М-72 Ученик

У Сун убивает тигра

(По мотивам китайского фольклора)

1. Скитаясь вдали от деревни родной,
Надумал У Сун возвратиться домой.

2. В харчевне сказали: «Дорога вперёд
Опасна: там тигр на тебя нападёт!»

3. Без страха свой путь продолжает У Сун,
Вдруг лютого тигра встречает в лесу.

4. Тяжёлая палка сломалась о сук,
Но тигра У Сун не упустит из рук!

5. Ногами тигриные стиснув бока,
Он зверя ударом сразил кулака.

6. Героя с почётом несут на руках:
Он тигра убил, наводившего страх!